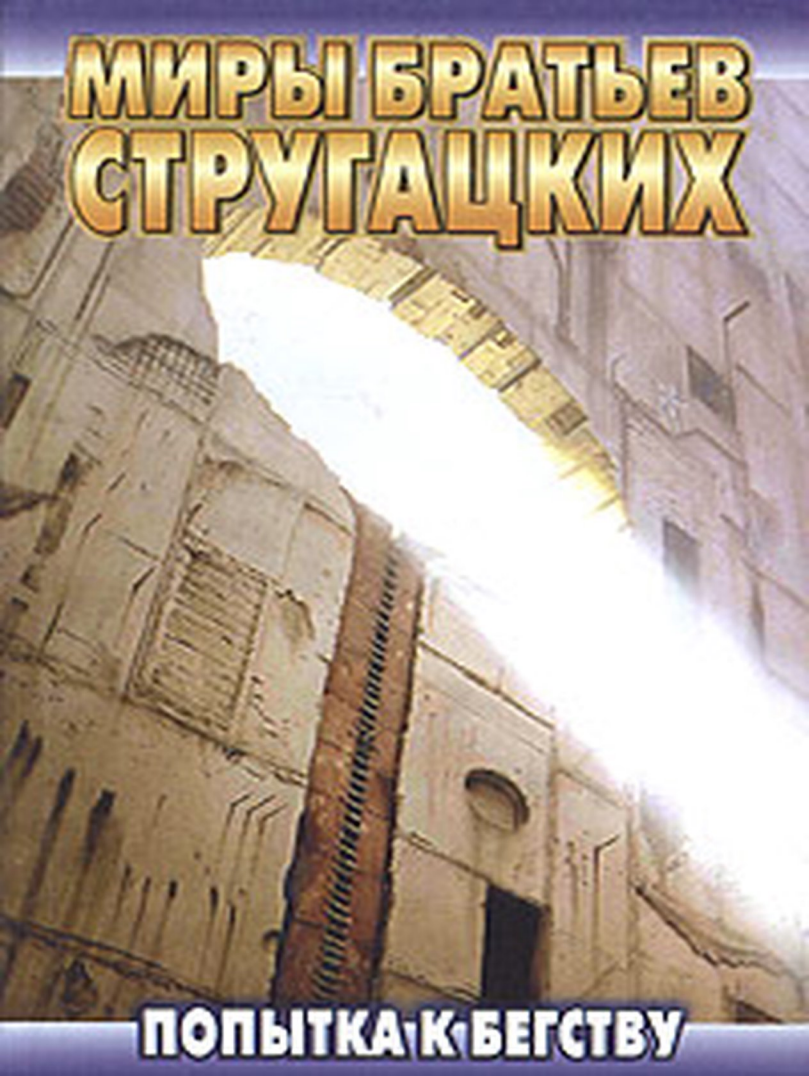
МИРЫ БРАТЬЕВ
СТРУГАЦКИХ
ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

Попытка к бегству

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Аннотация
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Попытка к бегству
1
2
3
4
5
6
7
8

Аннотация

«Попытка к бегству». Первое из произведений братьев Стругацких, в котором «пересеклись Прошлое, Настоящее и Будущее», возникла тема Прогрессоров и тема этической состоятельности вмешательства высокоразвитой цивилизации в развитие цивилизации нижестоящей.

В отличие от бумажного оригинала данное fb2-издание ёфицировано.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий
Попытка к бегству

1

— Хороший сегодня будет день! — сказал вслух Вадим.

Он стоял перед распахнутой стеной, похлопывая себя по голым плечам и смотрел в сад. Ночью шёл дождь, трава была мокрая, кусты были мокрые и крыша соседнего коттеджа тоже была мокрая. Небо было серое, а на тропинке блестели лужи. Вадим подтянул трусы, спрыгнул в траву и побежал по тропинке. Глубоко, с шумом вдыхая сырой утренний воздух, он бежал мимо отсыревших шезлонгов, мимо мокрых ящиков и тюков, мимо соседского палисадника, где, выставив напоказ внутренности, красовался полуразобранный «колибри», через мокрые, пышно разросшиеся кусты, между стволами мокрых сосен; не останавливаясь, прыгнул в озерцо, выбрался на противоположный берег, поросший осокой, а оттуда, разгорячённый, очень довольный собой, всё наращивая темп, помчался обратно, перепрыгивая через огромные спокойные лужи, распугивая маленьких серых лягушек, прямо к лужайке перед Антоновым коттеджем,

где стоял «Корабль».

«Корабль» был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Чёрные матовые бока его были абсолютно сухи и чуть заметно колыхались, а острая вершина была сильно наклонена и направлена в ту точку серого неба, где за тучами находилось солнце. «Корабль» по привычке набирал энергию. Высокая трава вокруг «Корабля» была покрыта инеем, поникла и пожелтела. Впрочем, это был приличный тихого нрава звездолёт типа «турист». Рейсовый рабочий звездолёт за ночь выморозил бы весь лес на десять километров вокруг.

Вадим, поскальзываясь на поворотах, обежал «Корабль» и направился домой. Пока он, стеная от наслаждения, растирался мохнатым полотенцем, из дачи напротив вышел сосед дядя Саша со скальпелем в руке. Вадим помахал ему полотенцем. Соседу было полтораста лет и он день–деньской возился со своим вертолётом, но всё было втуне — «колибри» летал неохотно. Сосед задумчиво поглядел на Вадима.

— У тебя нет запасных биоэлементов? — спросил он.

— Что, сгорели?

— Не знаю. У них ненормальная характери-

стика.

— Можно связаться с Антоном, дядя Саша, — предложил Вадим. — Он сейчас в городе. Пусть привезёт вам парочку.

Сосед подошёл к вертолёту и стукнул его скальпелем по носу.

— Что же ты не летаешь, дурачок? — спросил он сердито.

Вадим принялся одеваться.

— Биоэлементы… — ворчал дядя Саша, запуская скальпель во внутренности «колибри». — Кому это надо? Живые механизмы… Полуживые механизмы… Почти неживые механизмы… Ни монтажа, ни электроники… Одни нервы! Простите, но я не хирург. — Вертолёт дёрнулся. — Тихо, ты, животное! Стой смирно! — он извлёк скальпель и повернулся к Вадиму. — Это негуманно наконец! — объявил он. — Бедная испорченная машина превращается в сплошной больной зуб! Может быть, я слишком старомоден? Мне её жалко, ты понимаешь?

— Мне тоже, — пробормотал Вадим, натягивая рубашку.

— Что?

— Я говорю: может быть, вам помочь?

Дядя Саша некоторое время переводил взгляд с

вертолёта на скальпель и обратно.

— Нет, — сказал он решительно. — Я не желаю применяться к обстоятельствам. Он у меня будет летать.

Вадим сел завтракать. Он включил стереовизор и положил перед собой «Новейшие приёмы выслеживания тахоргов». Книга была старинная, бумажная, читанная–перечитанная ещё дедом Вадима. На обложке был изображён пейзаж планеты–заповедника Пандоры с двумя чудовищами на переднем плане.

Вадим ел, листая книжку и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что–то о боях критиков по поводу эмоциолизма. Дикторша была новая и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциолизм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. Поедем лучше с нами! А оно пусть останется на Земле. Оно наверняка умрёт к нашему возвращению — можешь быть уверена.

— Эмоциолизм как направление обещает многое, — невозмутимо говорила дикторша. — Потому что только он сейчас даёт по–настоящему глубокую перспективу существенного уменьше-

ния энтропии эмоциональной информации в искусстве. Потому что только он сейчас…

Вадим встал и с бутербродом в руке подошёл к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — вам ничего не слышится в слове «эмоциолизм»?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолётом. «Колибри» трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша не оборачиваясь.

— Слово «эмоциолизм», — повторил Вадим. — Я уверен, что в нём слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим, жуя. — Я рад, что вы тоже это чувствуете… Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолёт.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он

привезёт вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента.

Дядя Саша посмотрел на вертолёт. Вертолёт перестал вибрировать.

— Всё, — сказал Вадим. — Нет больше вашего скальпеля. Зато «колибри» у вас теперь заряжен. Часов на тридцать непрерывного хода.

Сосед пошёл вокруг вертолёта, бесцельно трогая его за разные части. Вадим засмеялся и вернулся к столу. Он доедал второй бутерброд и допивал второй стакан простокваши, когда щёлкнул замок информатора и тихий спокойный голос сказал:

— Вызовов и посещений не было. Антон, уходя в город, желает доброго утра и предлагает немедленно после завтрака начать отрешение от всего земного. В институт поступило девять новых задач…

— Не надо подробностей, — попросил Вадим.

— …задача номер девятнадцать пока не решена. Пэл Минчин доказала теорему о существовании полиноминальной операции над Ку–полем структур Симоняна. Адрес: Ричмонд, семнадцать–семнадцать–семь. Всё.

Информатор щёлкнул, помолчал и добавил поучающе:

— Завидовать дурно. Завидовать дурно.

— Балбес! — сказал Вадим. — Я совершенно не завидую. Я радуюсь! Молодчина, Пэл! — он задумался, глядя в сад. — Нет, — сказал он. — Сейчас всё это долой. Надо отрешаться от земного.

Он швырнул грязную посуду в мусоропровод и вскричал:

— На тахоргов! Украсим кабинет Пэл Минчин — Ричмонд, семнадцать–семнадцать–семь — черепом тахорга!

И он спел:

Пусть тахорги в страхе воют,
Издавая визг и писк!
Ведь на них идёт войною
Структуральнейший лингвист!

— Теперь так, — сказал Вадим. — Где радиофон? — он набрал номер. — Антон? Как дела?

— Стою в очереди, — ответил Антон.

— Что ты говоришь? И все на Пандору?

— Многие. И кто–то распространяет слух, что охота на тахоргов скоро будет запрещена.

— Но мы–то успеем?

Антон некоторое время молчал.

— Успеем, — сказал он.

— А девушки там рядом есть?

— Как не быть…

— А они тоже успеют?

— Сейчас спрошу… Они говорят, что успеют.

— Передай им привет от знакомого структурального лингвиста шести футов росту, с благородной осанкой… Слушай, Антон, что я тебе хотел сказать? Да! Привези, пожалуйста, дяде Саше скальпель. И пару «БЭ–6». И заодно «БЭ–7».

— И заодно новый вертолёт, — сказал Антон. — Что этот старец сделал со своим скальпелем?

— Ну как ты думаешь, что можно сделать со скальпелем?

— Не знаю, — сказал Антон подумав. — Скальпель — это вещь на века. Как Баальбекская платформа.

— Он уронил его в желудок своему «Колибри».

В радиофоне захихикало несколько голосов. Очередь развлекалась.

— Ладно уж, — сказал Антон. — Жди, я скоро

буду. Будь моим суперкарго и начинай погрузку.

Вадим сунул радиофон в карман и прикинул через три комнаты расстояние до выхода.

— Дух ног слаб, — процитировал он, — рук мощь зла!

Он встал на руки и живо побежал к выходу. На крыльце он сделал сальто и с криком «У–ух!» Упал на четвереньки в траву перед крыльцом. Поднявшись и почистив руки, он произнёс с выражением:

На войне и на дуэли
Получает первый приз —
Символ счастья и веселья —
Структуральнейший лингвист.

Затем он неторопливо отправился в аллею, где были свалены тюки и ящики. Груза было довольно много. Надо было везти с собой оружие, боеприпасы, запас пищи, одежду — отдельно для охоты и отдельно — чтобы посетить знаменитое кафе «Охотник» на плоской вершине Эверины, где между столиками вольно гуляет пряный ветер, а под обрывом на трёхсотметровой глубине громоздятся, подобно грозовым тучам, непроходимые чёрные заросли; где исполосованные колючками охотники с хохотом осушают пузатые

фляги «Крови тахорга» и вывихивают себе плечи в тщетных попытках показать, какой череп они могли бы добыть, если бы знали, с какой стороны у карабина приклад; где в тёмно–зелёных сумерках пары скользят на усталых ногах в «Светлом ритме», а над хребтом Смелых поднимаются в беззвёздное небо зыбкие сплющенные луны.

Вадим присел на корточки к самому тяжёлому ящику, приладился и рывком поднял ящик на плечи. В ящике было оружие — три автоматических карабина с прицелами для стрельбы в тумане и шесть сотен патронов в плоских пластмассовых обоймах. Пружиня при каждом шаге, Вадим понёс ящик через сад к «Кораблю». Он зашёл со стороны приёмника и пнул ногой в борт. Мембрана, затягивавшая овальный люк, лопнула, и Вадим свалил ящик в темноту, из которой пахнуло холодом.

Вадим пошёл обратно, обрывая на ходу с кустов громадные ягоды какого–то гибрида. И каждый куст сбрасывал на него заряд холодного крупного дождя.

Надо взять не меньше пяти тахоргов, думал он. Один череп для Пэл Минчин Ричмондской. Пусть знает, что я хороший парень. Один череп маме. Мама череп не возьмёт, она человек серьёзный,

и тогда я подарю череп первой девушке, которая пройдёт мимо меня на углу Невского и Садовой после девяти утра. Третьим черепом я брошу в Самсона, чтобы умерить его скепсис: он странно вёл себя у Нели, когда я рассказывал о последнем походе на Пандору. Четвёртый череп — Нели, чтобы она верила мне, а не Самсону. А пятый череп я повешу над стереовизором. Он с наслаждением представил себе, как отлично будет выглядеть хорошенькая дикторша под оскаленным черепом чудовища.

Он перенёс на «Корабль» четыре больших ящика с живым мясом, восемь ящиков с овощами и фруктами, два мягких тюка с одеждой и ещё один большой ящик с подарками для старожилов и с корявой надписью: «Шкатулка для Пандоры».

Где–то за тучами солнце поднималось всё выше и выше, становилось жарко. Всё вокруг высыхало. Лягушки попрятались в траву. В пустых коттеджах с шелестом распахивались стены. Дядя Саша повесил гамак и разлёгся возле своего «колибри» с газетой. Вадим кончил перетаскивать груз и пристроился к кусту крыжовника.

— Итак, вы улетаете, — сказал дядя Саша.

— Угу.

— На Пандору улетаете?

— Ага.

— Вот тут пишут, что заповедник собираются закрыть. На несколько лет.

— Ничего, дядя Саша, — сказал Вадим. — Успеем.

Дядя Саша помолчал и сказал негромко:

— Мне здесь будет очень скучно одному.

Вадим перестал жевать.

— Так мы же вернёмся, дядя Саша! Через месяц.

— Всё равно. Я на этот месяц вернусь в город. Что я здесь буду делать один в пяти коттеджах? — он посмотрел на вертолёт. — С этим дурачком. Полуживым.

В небе послышалось негромкое фырканье.

— Вон ещё один летит, — сказал дядя Саша.

Вадим задрал голову. Невысоко над посёлком медленно выписывал восьмёрку ярко–красный «рамфоринх». На тощем брюхе чётко выделялся белый номер.

— Так–то я тоже могу, — сказал дядя Саша. — А вот вы, голубчик, спикируйте винтом, и чтобы не боком, и не в пруд, а рядом…

«Рамфоринх» улетел. На бетонной дорожке за садом послышалось сопение машины.

— В нашем посёлке становится оживлённо, —

сказал дядя Саша. — Движение как на Невском.

— Это Антон! — Вадим вскочил и побежал к «Кораблю».

Антон загонял машину в гараж. Выйдя из гаража, он рассеянно сказал:

— Всё в порядке, Димка. Штурманскую книгу я зарегистрировал, «добро» получил…

— Но? — спросил проницательный Вадим.

— Что — но?

— Я отчётливо слышу в твоей речи «но».

Антон сказал неохотно:

— Я заезжал к Галке. Она не поедет.

— Из–за меня?

— Нет… — Антон помолчал. — Из–за меня.

— М–да, — глубокомысленно сказал Вадим.

Антон спросил:

— А как у нас с погрузкой, суперкарго?

— Всё в порядке, шкип. Можно стартовать.

— А как у нас в доме? Прибрано ли?

— В чьём доме?

— Например, в моём?

— Нет, шкип. Виноват, шкип. Я только что кончил грузить, шкип.

Низко над крышами снова пролетел красный «рамфоринх». Антон поглядел.

— Что за притча? — удивился он. — Опять

ЦЩ–268. По–моему, я стал обьектом пристального внимания. Этот красный «рамфоринх» с бортовым номером ЦЩ–268 гонится за мной с Дворцовой площади.

— Не замешана ли здесь женщина? — осведомился Вадим.

— Не думаю. Никогда ещё женщины не гонялись за мной.

— Они могли бы и начать… — сказал Вадим, но тут его осенила новая мысль. — А может быть, это член тайного общества покровителей тахоргов?

«Рамфоринх» снова пролетел над головами и вдруг затих.

— Э, да это к дяде Саше, — сказал Вадим. — Пойдёт на запасные органы. Бедный «рамфоринх»! Кстати, ты привёз?

— Привёз, — сказал Антон, глядя мимо него. — Нет, структуральный суперкарго. Это не к дяде Саше…

Из–за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках. У него было очень смуглое худое лицо с мохнатыми бровями и большие коричневые уши. В руке он держал объёмистый портфель.

— Он, — сказал Антон.

— Кто?

— Человек в белом. Он всё время бродил около очереди. И смотрел всем в глаза.

— Сейчас я ему объясню, что такое тахорги, — проговорил Вадим. — И он поймёт.

Человек в белом подошёл вплотную и внимательно осмотрел обоих охотников.

— Вы знаете, что тахорги нападают на людей и иногда серьёзно калечат их? — сказал Вадим. — Наносят им серьёзные увечья.

— Вот как? — сказал человек в белом. — Тахорги? В первый раз слышу. Впрочем, это не по моей части. Я пришёл к вам с просьбой. Здравствуйте, — он коснулся двумя пальцами виска.

— Здравствуйте, — сказал Антон. — Вы ко мне?

Незнакомец бросил портфель под ноги и вытер со лба пот. В портфеле что–то глухо брякнуло. Это было огромное, битком набитое вместилище, с огромным количеством ремней и медных застёжек. «Портфель» по японски — «кабан», — подумал Вадим. Японцы правы.

Незнакомец медленно проговорил:

— Да. Я к вам, — он зажмурился и снова с силой провёл ладонью по лицу. — Только не спрашивайте, пожалуйста, почему именно к вам… Мог к кому–нибудь другому…

— Нам необыкновенно повезло, — весело

сказал Вадим. — Просто удивительно, как нам сегодня везёт.

Незнакомец поглядел на него без улыбки.

— Капитан вы? — спросил он.

— Я капитан потенциально, — ответил Вадим. — А кинетически я суперкарго и старший специалист по тахоргам… Если угодно, зверовед–аматёр…

Вадима понесло, он уже не мог удержаться. Он должен был во что бы то ни стало вызвать на лице незнакомца улыбку, хотя бы вежливую.

— Кроме того, я второй пилот–аматёр, — говорил он. — Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горничной…

Незнакомец молча слушал. Антон сказал негромко:

— Очень смешно.

Наступила тишина.

— Как я понял, вы летите на Пандору, — сказал незнакомец. Он смотрел на Антона.

— Да, мы идём на Пандору, — Антон покосился на портфель. — Вы хотите что–нибудь переслать с нами?

— Нет, — сказал незнакомец. — Пересылать мне нечего. У меня совсем другое… У меня есть к

вам предложение. Ведь вы едете развлекаться?

— Да, — сказал Антон.

— Если опасную охоту можно считать развлечением, — значительно добавил Вадим.

— Это славный отдых, — сказал Антон. — Турперелёт и охота.

— Турперелёт… — медленно, словно удивляясь, проговорил незнакомец. — Туристы… Послушайте, молодые люди, вы совсем не похожи на туристов. Вы молодые, здоровые ребята — открыватели… Зачем это вам — обжитые планеты, электрифицированные джунгли, автоматы с газировкой в пустынях? Да что говорить! Почему вам не взять неизвестную планету?

Ребята переглянулись.

— Какую именно планету? — спросил Антон.

— Не всё ли равно? Любую. На которой человека ещё не было… — незнакомец вдруг широко раскрыл глаза. — Или таких уже нет?

Он не шутил. Это было совершенно очевидно, и ребята снова переглянулись.

— Почему же? — сказал Антон. — Таких планет сколько угодно. Но мы всю зиму собирались поохотиться на Пандоре.

— Лично я, — подхватил Вадим, — уже раздарил знакомым черепа своих неубитых тахоргов.

— И потом — что мы будем делать на новой планете? — мягко сказал Антон. — Мы не научная экспедиция, мы не специалисты. Вот Вадим лингвист, я звездолётчик, пилот… Мы не сумеем даже составить первичного описания… Впрочем, может быть, у вас есть какая–нибудь идея?

Незнакомец сдвинул мохнатые брови.

— Нет у меня никаких идей, — резко сказал он. — Просто мне нужно на неизвестную планету. И вопрос стоит так: можете вы мне помочь или нет?

Вадим стал застёгивать и расстёгивать «молнию» на куртке. Тон незнакомца его покоробил: это был не тот тон, к которому Вадим привык. И тем не менее положение было трудное. Человеку, который едет развлекаться, трудно спорить с человеком, которому нужно ехать по делу. Аргументов у Вадима не было, и поэтому он совсем было решил придраться к манерам, но тут случилось странное происшествие.

За деревьями залаяла собака. Это был дяди Сашин эрдель Трофим, дряхлый глупый пёс с признаками аристократического вырождения и необыкновенно густым голосом. Залаял он скорее всего потому, что на нос ему села пчела и он не знал, что с ней делать, но лицо незнакомца вдруг

страшно исказилось. Он пригнулся и прыгнул далеко в сторону. Прыгнув, незнакомец выпрямился и нарочито медленными шагами вернулся на место. На лбу у него блестела испарина. Вадим оглянулся на Антона. Лицо Антона было задумчиво–спокойным.

— Ну что ж, — сказал он рассудительно. — Во второй окрестности много жёлтых карликов с приличными планетами земного типа. Давайте слетаем. Возьмём хотя бы EH7031. Туда уже собирались лететь, да отложили. Показалось неинтересно. Добровольцы не любят жёлтых карликов — им подавай гиганта, лучше кратного… Устроит вас EH7031?

— Да, вполне, — сказал незнакомец. Он уже пришёл в себя. — Если только это действительно необитаемая планета.

— Это не планета, — вежливо поправил Антон. Это звезда. Солнце. Но там есть и планеты. По всей видимости, необитаемые. А как вас зовут?

— Меня зовут Саул, — сказал незнакомец и впервые улыбнулся. — Саул Репнин. Я историк. Двадцатый век. Но я постараюсь быть полезным. Я умею готовить, шить, водить наземные машины, чинить обувь, стрелять… — он помолчал. — И кроме того, я знаю, как всё это делалось раньше.

И ещё я знаю несколько языков — польский, словацкий, немецкий, немного французский и английский…

— Жалко, что вы не умеете водить звездолёт, — вздохнул Вадим.

— Да, жалко, — сказал Саул. — Но это ничего. Звездолёт умеете водить вы.

— Не вздыхай, Димка, — сказал Антон. — Пора и тебе посмотреть на странные пейзажи безымённых планет. Танцевать в кафе можно и на Земле. Покажи себя там, где нет девушек, воздыхатель…

— Я вздыхаю от восторга, — отозвался Вадим. — В конце концов что такое тахорги? Громоздкие и всем известные животные…

Саул любезно осведомился:

— Надеюсь, я не вырвал согласие силой? Надеюсь, ваше согласие является в достаточной степени добровольным и свободным?

— А как же, — сказал Вадим. — Ведь что такое свобода? Осознанная необходимость. А всё остальное — нюансы.

— Пассажир Саул Репнин, — сказал Антон. — Старт в двенадцать ноль–ноль. Ваша каюта третья, если вы не захотите занять каюту четвёртую, пятую, шестую или седьмую. Пойдёмте, я вам покажу.

Саул нагнулся за портфелем и у него из–за пазухи выскользнул и тяжело шлёпнулся на траву большой чёрный предмет. Антон поднял брови. Вадим пригляделся, и тоже поднял брови. Это был скорчер — тяжёлый длинноствольный пистолет–дезинтегратор, стреляющий миллионовольтными разрядами. Такие предметы Вадим видел только в кино. На всей планете было не больше сотни экземпляров этого страшного оружия, и оно выдавалось только капитанам сверхдальних десантных звездолётов.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал Саул, подобрал скорчер и сунул его под мышку. Затем он поднял портфель и объявил: — Я готов.

Некоторое время Антон смотрел на него, словно собираясь спросить о чём–то. Затем он сказал:

— Пойдёмте, Саул. А ты, Вадим, прибери дома и отнеси старику инструмент. Он в багажнике. Я имею в виду, конечно, инструмент.

— Слушаю, шкип, — сказал Вадим и пошёл в гараж.

Трудно быть оптимистом, размышлял он. Ведь что есть оптимист? Помнится, в каком–то старинном вокабулярии сказано, что оптимист суть человек, полный оптимизма. Там же, статьёй выше, сказано, что оптимизм суть бодрое,

жизнерадостное мироощущение, при котором человек верит в будущее, в успех. Хорошо быть лингвистом — сразу всё становится на свои места. Остаётся только совместить бодрое, а равно и жизнерадостное мироощущение с пребыванием на борту тяжеловооружённого лунатика…

Он забрал из багажника скальпель и биоэлементы и направился к дяде Саше. Старик сидел на корточках перед красным «рамфоринхом».

— Дядя Саша, сказал Вадим. — Вот вам новый скальпель и…

— Не надо, — сказал дядя Саша. Он вылез из–под «рамфоринха». — Спасибо. Мне подарили вот это. — Он похлопал «рамфоринха» по полированному боку. — Говорят, он очень живуч, а?

— Подарили?

— Да, один молодой человек, весь в белом.

— Ах, вот как, — сказал Вадим. — Значит, он был уверен, что улетит с нами. Или, может быть, он намеревался прорваться в «Корабль» с боем?

— Что? — спросил дядя Саша.

— Дядя Саша, — сказал Вадим. — Вы знаете, что такое скорчер?

— Скорчер? Да, знаю, конечно. Это микроразрядное устройство на ткацких автоматах. Правда, теперь их нет, но помню, лет семьдесят назад… А

что, этот человек в белом тоже старый ткач?

— Может быть, он и ткач тоже, но скорчер у него, дядя Саша, не микроразрядный.

Вадим задумчиво пошёл к своему коттеджу. Дома он бросил постельное бельё в мусоропровод, переключил хозяйственную автоматику на режим отсутствия и, выйдя на крыльцо, написал карандашом на двери: «Уехал в отпуск. Прошу не занимать». Затем он отправился к Антону. Прибирая Антонов коттедж, он продолжал размышлять. В конце концов не всё потеряно. Тахорги, надо признаться, уже основательно приелись. Пандора, если говорить честно, — это всего–навсего очень модный курорт. Можно только удивляться, как я там высидел три сезона. Какой стыд, подумал он вдруг с энтузиазмом. Ведь было время, когда я хвастался ожерельем из зубов тахорга и разводил несусветную пандориану! Швырять в Самсона черепом тахорга — какая банальность! Самсон достоин большего и Самсон будет увековечен. Неизвестная планета — это неизвестная планета. По неизвестной планете бродят неизвестные звери. Они, бедные, ещё не знают, как их зовут. А я уже знаю. Там я добуду первого в истории «самсона непарноногого перепончатоухого» или, скажем, «самсона

неполнозубого гребёнчатозадого»… Запустить в Самсона черепом самсона — такого ещё не было.

Когда он вернулся на лужайку, «Корабль» был готов к старту. Верхушка его больше не следила за солнцем, иней на траве вокруг исчез.

Вадим удобно устроился в люке, свесив ногу. Он смотрел на Антонов коттедж с распахнутой стенкой, на зелёные кроны сосен, на низкие облака, в которых то появлялись, то исчезали голубые проталины. Да, друг Самсон, непарноногий брат мой, мстительно подумал он. Может быть, ты и неплох против какого–нибудь библейского льва, но где тебе тягаться со структуральным лингвистом… Но что забавно: мне бы и в голову не пришло тащиться отдыхать на неизвестную планету, если бы не этот старик в белом. До чего же мы косный народ, даже лучшие из структуральных лингвистов! Вечно нас тянет на обжитые планеты…

На лужайку вышел эрдель Трофим. Он помигал на Вадима добрыми слезящимися глазами, зевнул, сел и принялся чесать задней ногой у себя за ухом. Жизнь была прекрасна и многообразна. Вот Трофим, подумал Вадим. Стар, глуп, добр, но — смотрите–ка! — может ещё напугать… А может быть, все лунатики боятся собачьего лая? — Вадим уставился на Трофима. — А почему я,

собственно, решил, что Саул Репнин лунатик или как там это называлось?.. Зачем такое искусственное предположение? Проще предположить, что историк Саул никакой не историк, а просто соглядатай какой–нибудь гуманоидной расы у нас на планете. Как Бенни Дуров на Тагоре… Это было бы славно — целый месяц неизвестных планет и таинственных незнакомцев… И как всё отлично объясняется! Самостоятельно с Земли он выбраться не может, собак он боится, а на неизвестную планету ему нужно, чтобы за ним туда прислали корабль — на нейтральную, так сказать, почву. Вернётся он к себе и расскажет: так, мол, и так, люди они хорошие, полные оптимизма, и завяжутся у нас с ними нормальные гуманоидные отношения…

Вадим спохватился и крикнул в коридор:

— Антон, я на борту!

— Наконец–то, — откликнулся Антон. — Я было решил, что ты дезертировал.

Из–за деревьев, безобразно крутя хвостом, появился тощий красный «рамфоринх» и, неестественно завывая, начал описывать вокруг «Корабля» круг почёта. Дядя Саша, откинув дверцу, махал чем–то белым. Вадим помахал в ответ.

— Старт! — предупредил Антон.

«Корабль» пошевелился и, мягко подпрыгнув — Вадим успел оттолкнуться ногой от Земли — стал подниматься в небо.

— Димка! — крикнул Антон. — Закрой–ка люк! Сквозняк.

Вадим в последний раз помахал дяде Саше, поднялся и зарастил люк.

2

Антон передал управление на киберштурман и, сложив руки на животе, задумчиво глядел на обзорный экран. «Корабль» шёл на север по меридиану. Вокруг было густо–фиолетовое небо стратосферы, а глубоко внизу белела мутная пелена облаков. Пелена эта казалась ровной и гладкой, и только кое–где угадывались провалы исполинских воронок над макропогодными станциями — синоптики, пролив над Северной Европой дождь, загоняли облака в ловушки.

Антон размышлял над странностями человеческими. Он вспоминал странных людей, с которыми встречался. Яков Осиновский, капитан «Геркулеса», терпеть не мог лысых. Он их просто презирал. «А вы меня не убеждайте, — говорил он. — Вы мне лучше покажите лысого, чтобы он был настоящим человеком». Наверное, с лысыми у него были связаны какие–то нехорошие ассоциации, и он никогда никому не говорил, какие. Он не переменился даже после того, как сам начисто облысел во время сарандакской катастрофы. Он только восклицал с заметной горечью: «Един-

ственный! Заметьте, единственный среди них!»

Вальтер Шмидт с базы «Гаттерия» так же странно относился к врачам. «Врачи… — цедил он с неприличным презрением. — Знахарями они были, знахарями и останутся. Раньше была пыльная паутина и гнилая змеиная кровь, а теперь психодинамическое поле, о котором никто ничего не знает. Кому какое дело до того, что у меня внутри? Головоногие живут по тысяче лет безо всяких врачей, и до сих пор благополучно остаются владыками глубин…»

Волкова звали Дредноут и он был очень этим доволен: Дредноут Адамович Волков. Канэко никогда не ел горячего. Ралф Пинетти верил в левитацию и упорно тренировался… Историк Саул Репнин боится собак и не хочет жить с людьми. Я не удивлюсь, если окажется, что он не хочет жить с людьми именно потому, что боится собак. Странно, правда? Но он от этого не станет хуже.

Странности… Нет никаких странностей. Есть просто неровности. Внешние проявления непостижимой тектонической деятельности в глубинах человеческой натуры, где разум насмерть бьётся с предрассудками, где будущее насмерть бьётся с прошлым. А нам обязательно хочется, чтобы все вокруг были гладкие, такие, какими

мы их выдумываем в меру нашей жиденькой фантазии… Чтобы можно было описать их в элементарных функциях детских представлений: добрый дядя, жадный дядя, скучный дядя. Страшный дядя. Дурак.

А вот Саулу нисколько не странно, что он боится собак. И Канэко не кажется странным, что он не терпит ничего горячего. Так же, как и Вадиму никогда в голову не придёт, что его дурацкие стишки кое–кому кажутся не забавными, а странными. Галке, например.

Возьмём теперь меня. Вот я собрался было на Пандору. Если бы об этом узнал, скажем, капитан Малышев, он бы с изумлением на меня посмотрел и сказал: «Если ты собираешься отдыхать, то лучшего места чем Земля, тебе не найти. А если ты решил поработать, то возьми чёрную систему EH8742, которая стоит на очереди в плане, или возьми гигант EH6124 — им почему–то интересуются специалисты на Тагоре». И Малышев был бы прав. И чтобы Малышев меня понял и перестал смотреть с изумлением, пришлось бы сказать, что я соскучился по Димке, и что Димка хочет стрелять тахоргов.

Антон усмехнулся. Зачем так сложно? Просто теперь все летают на Пандору, и однажды Галка

сказала мне, что слетала бы туда. Так организуются в наше время перелёты. И так легко меняются планы. А мог бы я признаться Малышеву, что всё дело в Галке? Почему человек никак не научится жить просто? Откуда–то из бездонных патриархальных глубин всё время ползут тщеславие, самолюбие, уязвлённая гордость. И почему–то всегда есть что скрывать. И есть чего стесняться.

Антон посмотрел на букетик гвоздики, лежавший перед экраном. Эх, Галка, подумал он. Он подышал на пульт и написал пальцем на исчезающем матовом круге: «Эх ты, Галка...» Буквы быстро растаяли, он даже не успел поставить восклицательный знак. Тогда он ещё раз подышал на пульт и поставил восклицательный знак отдельно. Потом он снова откинулся в кресле и попытался в сто первый раз логически решить задачу: «Я люблю девушку, девушка меня не любит, но относится хорошо. Что делать?»

Что, собственно, изменилось бы, если бы она меня полюбила? Можно было бы обнимать её и целовать. Можно было бы быть всё время с ней. Я бы гордился. Всё, кажется. Глупо, но всё. Просто исполнилось бы ещё одно желание. Как всё это убого выглядит, когда рассуждаешь логически! А по–другому рассуждать я не умею. Пустой я че-

ловек, циник. Он увидел Галку, как она говорит, — немного через плечо, и глаза у неё прикрыты ресницами… Почему всё устроено так глупо: можно спасти человека от любой неважной беды — от болезни, от равнодушия, от смерти, и только от настоящей беды — от любви — ему никто и ничем не может помочь… Всегда найдётся тысяча советчиков, и каждый будет советовать сам себе. Да и потерпевший–то, дурак, сам не хочет, чтобы ему помогали, вот что дико.

* * *

— Позвольте, однако же, куда вы? — громко спросил Саул.

— В рубку, — ответил Вадим.

— Подождите! Ведь мы, по существу, ещё не познакомились…

Дверь в рубку была открыта, Антон всё время краем уха слышал, как в кают–кампании бубнят что–то о тахоргах, о зарослях и о теории исторических последовательностей. Теперь он стал слушать внимательней.

— Ведь вас, кажется, зовут Вадим? — сказал Саул.

— Как правило, — серьёзно ответил Вадим. — Но иногда меня зовут Структуральнейшим,

иногда Летающим Быком, а в специальных случаях — Димочкой.

— Стало быть, Вадим… И сколько же вам лет?

— Двадцать два локально–земных.

— Локально… Ну да, разумеется… Как вы сказали? Локально–земных?

— Да. В старых звёздных я не участвовал.

— Совершенно верно. Я так и думал. А отец ваш, извините, кем будет?

— Кем будет? Наверное, так и останется мелиоратором.

— Э–э… Понимаю, понимаю… Я это, собственно, и имел в виду.

Наступила пауза.

— Очень изящный стол, — стеснённо сказал Саул.

Снова пауза.

— Стол хороший, прочный.

— А мамаша ваша?

— Мамаша? Она у меня… это… станционный смотритель. Работает на мезоядерной станции.

Было слышно, как Саул нервно забарабанил по столу пальцами.

— Не надо так, Вадим, — попросил он. — Вы не должны обращать на это внимания. Конечно, я странно говорю, и это, вероятно, смешно,

немножко… Здесь, видите ли, вот какое дело… Мой образ жизни… Мой, так сказать, модус вивенди… Я узкий специалист. Весь в двадцатом веке. Как говорили когда–то, книжный червь. Вечно в музеях, вечно со старыми книгами…

— Влияние обстановки…

— Да–да, вот именно. Я редко бываю на людях, а теперь вот пришлось. Вы знаете профессора Арнаутова?

— Нет.

— Очень крупный специалист. Мой идейный противник. Он попросил меня проверить некоторые аспекты его новой теории. Ведь я не мог не согласиться, правда? Вот так мне и пришлось… покинуть пенаты… Вот… Но что это мы всё обо мне да обо мне! Вы, кажется, структуральный лингвист?

— Да.

— Интересная работа?

— А разве бывает неинтересная работа?

— Да, конечно… И чем же вы занимаетесь?

— Я занимаюсь структурным анализом. Но учтите, Саул, я отрешился от земного. Давайте я вам расскажу ещё что–нибудь про тахоргов.

— Да нет, благодарю вас, про тахоргов не надо. Лучше расскажите, как вы работаете.

— Саул, я же сказал, что отрешился.

— Ну как же это так — отрешился? Что ж, вы теперь совсем не думаете о работе?

— Наоборот. Всё время думаю. Я всегда думаю о той работе, которой занят в данный момент. Сейчас я — суперкарго и второй пилот — это на тот случай, если у Антона вдруг случится отложение солей. Впрочем, об этом я, кажется, уже… Так вот, мне сейчас очень хочется пойти и немножко поводить «Корабль».

— Да вы ещё успеете поводить! И потом я прошу вас сказать не о сущности вашей работы, а о внешней форме, так сказать… Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни…

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю.

— Ну–ну… Постойте — на вычислитель? Ну да, понимаю. Вы лингвист, и вы ложитесь на… И что же дальше?

— Час думаю. Другой думаю. Третий думаю…

— И наконец?..

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?!

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— Ну а как же работа?

— Что ж работа… Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

— И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

— Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие–нибудь идеи и на другой день я только додумываю. А потом сгорает вычислитель.

— Так. И вы уходите в зоопарк?

— При чём здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

— Ну а потом?

— А потом кончаются будни и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас всё застопорится и надо думать сначала.

— Ну ладно. Это будни. Однако же нельзя всё время работать…

— Нельзя, — сказал Вадим с сожалением. — Я, например, не могу. В конце концов заходишь в тупик и приходится развлекаться.

— Как?

— Как придётся. Например, гоняю на буерах. Вы любите гонять на буерах?

— Э–э… Мне как–то не приходилось.

— Что же вы, Саул! Я вас обязательно покатаю. Какой у вас индекс здоровья?

— Индекс здоровья? Я вполне здоров. А над чем вы теперь работаете?

— Над свёртками разобщённых структур.

— А зачем это нужно?

— Что значит — зачем?

— Ну, кому от этого будет польза?

— Каждому, кто этим заинтересуется. Вот сейчас проектируют универсальный транслятор. Универсальный транслятор должен уметь свёртывать разобщённые структуры.

— Скажите, Вадим, а здесь, на «Корабле», можно послушать музыку?

— Конечно. Что бы вы хотели? Хотите «Трели» Шеера? Под эту музыку изумительно водится «Корабль».

— А Бах?

— О, Бах! По–моему, у нас есть и Бах. Слушайте, Саул, а ведь с вами, наверное, слушать музыку будет очень приятно.

— Почему?

— Не знаю. Всегда приятно слушать музыку с человеком, который хорошо её знает. Мендельсона вы любите?

— Вы знаете Мендельсона?

— Саул! Мендельсон — это лучший из старых! Я надеюсь, вы любите Мендельсона. Правда, его плохо слушать в «Корабле». Вы меня понимаете?

— Пожалуй… Я слушаю Мендельсона в своём уютном кабинете…

Разговорились, наконец, подумал Антон. Он взглянул на часы. «Корабль» входил в стартовую зону над северным полюсом. На экране в фиолетовой глубине возникли тёмные точки звездолётов, ожидающих старта. Антон крикнул в дверь:

— Простите, что прерываю. Скоро старт. Димка, покажи Саулу, как пользоваться безынерционной камерой.

Антон послал на контрольную станцию запрос о программе предстоящего перелёта, и через тридцать минут, в течение которых «Корабль» плавал в стратосфере вместе с двумя десятками других больших и малых звездолётов, получил программу на переход, семь вариантов программы обратного пути и разрешение на выход в подпространство. Тогда он попросил пассажиров укрыться в камерах, вошёл в камеру сам, произвёл перекличку и дал «Кораблю» команду на старт.

Как всегда, Антона сильно затошнило. Через всё тело прошла раскалённая волна, лицо и спина

покрылись холодным потом. Антон осоловелым взглядом следил за тем, как красная стрелка прыгает по шкале, отмечая стремительно меняющуюся кривизну пространства. Двести риманов… четыреста… восемьсот… тысяча шестьсот риманов на секунду… Пространство вокруг «Корабля» скручивалось всё туже. Антон знал, как это выглядело со стороны. Чёткий чёрный конус «Корабля» становится зыбким, медленно тает, и вдруг исчезает совсем, а на его месте вспыхивает на солнце огромное облако твёрдого воздуха. Температура на сто километров вокруг резко падает на пять–десять градусов… Три тысячи риманов. Огненная стрелка остановилась. Эпсилон–деритринитация закончилась и «Корабль» перешёл в состояние подпространства. С точки зрения земного наблюдателя он был сейчас «размазан» на протяжении всех полутораста парсеков от Солнца до EH7031. Теперь предстоял обратный переход.

При выходе из подпространства всегда существует опасность оказаться слишком близко к какой–нибудь тяготеющей массе, а может быть, даже внутри. Правда, опасность эта является чисто теоретической. Вероятность её гораздо меньше, чем вероятность попасть точно в печную трубу Эрмитажа, вывалившись над Ленинградом

из стратоплана. Во всяком случае, ни то ни другое событие не было зарегистрировано за всю историю человечества. Корабль Антона благополучно выскочил в нормальное пространство на расстоянии двух астрономических единиц от жёлтого карлика ЕН7031.

Антон отдышался, вытер пот со лба и вышел из камеры. В рубке всё было в порядке. Он прошёл вдоль пульта, скользнул взглядом по обзорному экрану, потом выключил автоматику перехода. На пульте перед экраном по–прежнему лежал букетик гвоздик. «Жалко», — пробормотал он. Он коснулся букетика пальцем и цветы рассыпались в зеленоватую пыль. «Бедняги, — подумал Антон. — Не выдержали. Да и кто выдержит?» Он вспомнил о пассажирах и спустился в кают–кампанию.

Зал кают–кампании был круглый, сюда выходили двери всех восьми кают и люк в нижний этаж, где были кладовая, кухня–синтезатор, душ и прочее. Антон оглядел стол, кресла, поправил крышку мусоропровода и направился в каюту Вадима. Там он отодвинул заслонку камеры и Вадим вывалился на него. Он был белый и мокрый, как мышь.

— Плохо? — участливо спросил Антон.

Вадим грудным голосом пропел:

Воет ветер дальних странствий,
Раздаётся жуткий свист —
Это вышел в Подпространство
Структуральнейший лингвист.

Впрочем, он сейчас же откинул диван и сел.

— Вот почему я не стал звездолётчиком, — сказал он немного хрипло и прилёг.

— Каждый раз ты это говоришь, — сказал Антон. Вадим промолчал. — Пойду, освобожу Саула, — сказал Антон.

— Ты слышал нашу беседу? — спросил Вадим, не открывая глаз.

— Да.

— Интересный человек, а?

— Не знаю, — сказал Антон. — По–моему, он человек в беде.

— Ещё бы! Другого бы ты на «Корабль» не взял. Стоит нам собраться куда–нибудь вдвоём, как ты начинаешь альтруировать. Постой, не уходи…

Антон остановился в дверях.

— Ты несёшь болезненную чепуху, — сказал он, — а Саулу там сейчас, наверное, плохо. Это трудно представить, но он, я думаю, ещё более хилый межпланетник, чем ты.

Вадим неожиданно вскричал трагическим шёпотом:

— Слепец! О слепец!.. Нет, не уходи, мне тоже плохо… Неужели ты ещё не понимаешь, кто он?!

— Что ты имеешь в виду?

Вадим, наконец, сел.

— Он же ничего не смыслит в лингвистике, — сказал он. — Надеюсь, ты это заметил?

— А что ты понимаешь в истории?

— Ты мне ещё скажи, что он книжный червь. Мы все знаем одного такого червя. Его зовут Бенни Дуров. Поговори о нём с тагорянами.

Антон нехотя улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Только ты всё–таки воздерживайся. Я–то тебя переношу в любых дозах, а вот на свежего человека ты иногда производишь совершенно удручающее впечатление. Поменьше жеребячьего оптимизма и побольше такта.

— Слушаю, шкип, — серьёзно сказал Вадим. — Есть, шкип.

Антон вышел. Огибая стол, он опять улыбнулся: с Вадимом не соскучишься. В кабине номер три он прежде всего откинул диван и только тогда откатил заслонку, готовясь подхватить падающее тело. Вместо этого из камеры повалил синий дым. Антон отпрянул.

— Что, разве уже? — раздался из клубов дыма голос Саула.

Антон вгляделся. Саул сидел на своём портфеле, поставленном на попа, и курил длинную чёрную трубку. Вид у него был рассеянный и благодушный.

— Вас не тошнит? — спросил Антон, попятился и сел на диван.

— Отнюдь нет. Что, можно выходить?

— Прошу вас, — сказал Антон.

Саул поднялся, взял портфель и, наклонясь, вышел из камеры.

— Мы почти на месте, — сказал Антон. — Остаётся только выбрать планету и решить, где высадиться.

Саул сел рядом с ним.

— Мы далеко от Земли? — спросил он.

— Полтораста парсеков. Почти на пределе для нашего «Корабля».

Вадим заорал из своей каюты:

— Саул! Требуйте землеподобную планету! В скафандре вам не понравится, а кислородная маска — это ещё туда–сюда…

Антон встал и плотно прикрыл дверь.

— Мне всё равно, какую планету, — тихо сказал Саул. — Но, конечно, лучше такую, где можно ды-

шать, — он вдруг усмехнулся. — Это очень важно, чтобы можно было дышать. — Антон внимательно смотрел на него. — Но самое главное — чтобы там никого не было…

— Вот что, Саул, — сказал Антон. — Планету мы вам найдём. Это пустяки. У нас на борту есть жилой купол на шесть человек, есть глайдер, есть запас пищи для инициирования цикла, есть хорошая радиостанция. Мы поможем вам устроиться и сейчас же уйдём. Хорошо?

Саул сидел, опустив голову.

— Да, — сказал он хрипло. — Так будет лучше всего. Наверное.

— Ну, вот и хорошо, — Антон толкнул дверь. — Я пойду в рубку, а вы… Если захотите, тоже приходите в рубку.

В рубке Антон включил бортовой каталог и просмотрел сведения о системе EH7031. Сведения были неинтересные. Вокруг жёлтого карлика крутилось четыре планеты и два пояса астероидов. Пожалуй, больше всего подходила вторая планета: она была землеподобна и находилась на расстоянии полутора астрономических единиц от своего солнца. Антон подал команду на киберштурман.

Из кают–кампании доносились голоса.

— Как вы перенесли переход, Саул?

— Какой переход? Я не заметил никакого перехода.

— Я так и думал.

— Что?

— Что вы не заметите. Хотите душ?

— Нет. Нам долго ещё?

— Наверное, нет. Чувствуете? — «Корабль» шевельнулся и пол поплыл из–под ног. — Это он ложится на курс. Пойдёмте в рубку, а?

— А мы не помешаем?

— Конечно, нет. Мы же туристы. Вот в десантном или рейсовом звездолёте нас бы не пустили… Зачем вы носите с собой портфель?

— Он мне дорог…

— Тогда не ставьте его на крышку мусоропровода.

Антон внимательно рассматривал изображение планеты на обзорном экране. Планета была голубая, как Земля, покрытая белой пеленой облаков, но очертания материков были незнакомые — один большой материк тянулся вдоль экватора, другой, поменьше, тяготел к полюсу.

— Вот ваша планета, Саул, — сказал Антон, и взял листок, выпавший из вывода антенну–анализатора. — Прекрасная планета. Сжатия нет.

Сутки — двадцать восемь часов, масса — один и одна десятая. Вредных газов тоже нет. Кислорода много. Маловато углекислоты, но пусть это вас не беспокоит.

Он посмотрел на Саула. Саул смотрел на свою планету с каким–то странным выражением. Мохнатые брови его поднялись дугами, и Антону показалось даже, что он может заплакать. Антон был тронут.

— Товарищи! — сказал вдруг Вадим. — Давайте назовём эту планету Саулой.

— Нарекается Саулой! — сказал Антон.

Он пригнул к себе раструб бортового дневника и продиктовал:

— Юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь. Вторая планета системы EH7031 нарекается Саулой, по имени члена экипажа историка Саула Репнина.

Всё это не имело ровно никакого значения. Планеты нарекались по названиям кораблей и городов, по именам любимых литературных героев, названиями приборов и просто громкими звукосочетаниями. А у кого не хватало фантазии, тот брал какую–нибудь книгу, открывал на какой–нибудь странице, выбирал какое–нибудь слово и как–нибудь его переделывал. И тогда по-

лучалось что–нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии.

Но Саул был растроган необычайно. Он бормотал: «Спасибо, спасибо, друзья», — и жал Вадиму руку. Это было очень трогательно.

А между тем планета росла. Когда на экране остался только материк, растопырившийся вдоль экватора, Антон спросил:

— Так где же мы будем высаживаться, Саул?

Саул ткнул пальцем почти в центр материка. Антону показалось, что он сделал это зажмурившись.

— Това–арищи, — протянул Вадим. — Давайте поближе к побережью.

Было ясно, что ему хочется искупаться. Искупаться в океане Саулы, в волнах, которые не омывали ещё ни одного землянина, которые не омывали, может быть, вообще ни одно разумное существо.

— Н–ну… К побережью, так к побережью, — неуверенно сказал Саул. — Он посмотрел на Антона. — Для моих целей, — он кашлянул, — выбор места не является существенным.

— Чудесно! — сказал Вадим. — Он проворно уселся в кресло рядом с Антоном. — Хватит! — заявил он. — Капитана разбил паралич и он в

дурном состоянии отнесён в каюту. Широкоплечий и статный второй пилот взял управление на себя. — Он положил пальцы на контакты биоуправления, и «Корабль» сейчас же провалился в пропасть. Материк на экране стал тошнотворно поворачиваться. Вадим провозгласил:

Всё от ужаса рыдает
И дрожит как банный лист!
Кораблём повелевает
Структуральнейший лингвист.

Саул с шумом уронил портфель и вцепился Антону в плечо.

— Димка, скажи хоть, куда ты целишься, — попросил Антон.

— Туда, — смутно ответил Вадим. — Где синие волны ласкают песок.

Корабль завалило на правый борт.

— Легче, легче, — сказал Антон. — Меньше эмоций. В материк не попадёшь.

— Авось попаду.

— Тормоза! Ты же видишь — заносит!

— Я всё вижу.

— Ох и грохнет он нас сейчас, — сказал Антон в пространство.

— Небось, небось, — приговаривал Вадим.

Экран помутнел. «Корабль» вошёл в атмосферу. Вспыхнула и пропала радуга на тучах твёрдого воздуха. Замелькали белые и чёрные пятна.

— Обдув, — посоветовал Антон.

— Знаю…

— Ох и валит тебя, ох и кривит…

Вадим быстро сказал:

— Перехватишь управление — я тебе не друг.

— Вы, Вадим, и в самом деле не промахнитесь, — сказал Саул осторожно.

Карусель на экране прекратилась. Быстро надвинулось белое поле, потом экран потемнел и погас. Корабль вздрогнул.

— Вот и всё, — сказал Вадим. Он потянулся, хрустнув пальцами.

— Что всё? — спросил Саул. — Сломали?

— Сели, — сказал Антон. Добро пожаловать на Саулу.

— Однако же вы лихой пилот, — сказал Саул Вадиму.

— Весьма лихой, — согласился Антон. — Знаешь, на сколько ты промахнулся, Димка? Километров на двести. Но экран выключить успел, молодец.

— Привычка, — небрежно сказал Вадим.

Антон встал.

— Между прочим, что такое «банный лист»?

— спросил он.

Вадим тоже встал.

— Это, Тошка, вопрос тёмный. Есть такая архаическая идиома: «дрожать как банный лист». Банный лист — это такая жаровня, — он стал показывать руками. — Её устанавливали в подах курных бань, и когда поддавали пару, то есть обдавали жаровню водой, раскалённый лист начинал вибрировать.

Саул неожиданно захохотал. Он смеялся густо и с наслаждением, вытирая слёзы ладонью и топая башмаками. Никто ничего не понимал, и через минуту смеялись уже все.

— Забавный обычай, верно? — сказал Вадим, кашляя от смеха.

— Правда, Саул, отчего вы смеётесь? — спросил Антон.

— Ох! — сказал Саул. — Я так рад, что прибыл на свою планету…

Вадим перестал смеяться.

— В конце концов, я не славяновед, — сказал он с достоинством. — Моя специальность — структурный анализ.

— Ну ладно, — сказал Антон. — Пойдёмте наружу.

Все пошли из рубки. Вадим, поддерживая Саула

под локоть, говорил:

— Это не мой вывод. Это наиболее распространённая гипотеза.

— Неважно, неважно, — быстро отвечал Саул. Он стал серьёзным. — Эта ваша гипотеза настолько далека от истины, что я не мог удержаться. Если я вас задел — простите.

— А вы как считаете? — спрашивал Вадим.

Саул раздражённо отвечал:

— Нет такого выражения: «дрожать как банный лист». Есть выражения «дрожать как осиновый лист» и «липнуть как банный лист».

— Но липнуть как лист — это примитивная метафора. Она восходит к липким листьям липы. Как может липнуть банный лист? Это же не лист растения. Чего ради листья каких–то растений попадут в баню? Это смешно!

Антон вскрыл мембрану люка и крепкий морозный воздух хлынул в «Корабль». Саул оттолкнул Вадима и крикнул:

— Подождите! Пропустите меня, пожалуйста!

Антон, уже перенёсший ногу через порог, остановился. Саул, держа над головой скорчер, просунулся вперёд.

— Хотите ступить первым? — спросил Антон, улыбаясь.

— Да, — пробормотал Саул. — Лучше я.

Он пролез в узкий люк и остановился, загораживая дорогу. Антон, лезший следом, боднул его головой.

— Вперёд, Саул, — сказал он.

Саул стоял как каменный. Сзади Вадим нетерпеливо стучал Антона по согнутой спине.

— Дайте же пройти, Саул, — попросил Антон.

Саул, наконец, посторонился, и Антон выбрался наружу. Вокруг был снег. И сверху падал снег большими ленивыми хлопьями. «Корабль» стоял среди однообразных круглых холмов, едва заметных на белой равнине. Под ногами из снега торчала короткая бледно–зелёная травка и много голубых и красных цветов. А в десяти шагах от люка, припорошенный снегом, лежал человек.

3

Вадим вылез из «Корабля» последним и тотчас же обратился к Саулу:

— Проще всего было бы проверить это по старинным словарям Даля и Ушакова. Но на борту…

Тут он заметил, что Саул его не слушает. Саул держал скорчер наизготовку — стволом на согнутом локте — и лицо у него было обеспокоенное. Глаза его бегали. Вадим быстро огляделся и тоже увидел человека.

— Вот тебе на, — растерянно сказал он.

Антон подошёл к лежащему, а Саул остался на месте. Неужели я сбил его «Кораблём» при посадке? — с ужасом думал Вадим. Внутри у него всё сжалось от этой мысли. Он бросился вслед за Антоном и тоже наклонился над телом. Он только взглянул, затем сейчас же выпрямился и стал смотреть в сторону. Вокруг тянулись унылые холмы, заснеженные и одинаковые, небо было затянуто низкими облаками, а на горизонте угадывались бледные очертания горного хребта. Какая печальная планета, подумал он.

И поля и горы —

Снег тихонько всё украл…

Сразу стало пусто.

Антон опустился на колени и осторожно потрогал руку лежащего. Рука была узкая, белая, с тонкими фарфоровыми пальцами, длинные ногти отливали золотом.

— Ну? — сказал Вадим и сглотнул.

Антон поднялся и тщательно стёр снег с голых колен.

— Замёрз. Несколько дней назад. И он очень истощён.

— Безнадёжно?

Антон кивнул.

— Это уже камень.

— Камень… — повторил Вадим. — Как же так? Смотри, он совсем мальчишка… — Он заставил себя смотреть на лицо мёртвого. — Смотри, он похож на Валерку! Помнишь Валерку?

Антон положил ему руку на плечо.

— Да, похож.

— Я так испугался. Я думал, что сбил его при посадке.

— Нет, он лежит уже несколько дней. Он упал от слабости и замёрз.

— Слушай, Антон, а почему он в рубашке?

— Не знаю. Пойдём на «Корабль».

Вадим не двинулся.

— Я не понимаю. Значит, мы не первые?

Он огляделся, ища взглядом Саула. Саула не было.

— Антон, может быть, ты ошибся? Может быть, ещё можно что–нибудь сделать?

— Пойдём, пойдём, Димка.

— А как же… Он?

— Откуда я знаю? Пойдём.

Они увидели Саула. Саул медленно спускался по склону холма, скользя по рыхловатому снегу. Они стояли и ждали, пока он не подошёл. Лицо у него было грустное, на щеках таяли большие снежинки. Колени были в снегу. Он подошёл, вынул изо рта погасшую трубку и сказал:

— Плохо дело, молодые люди. Там ещё четверо. — Он посмотрел на мёртвого. — Тоже раздеты. Что вы намерены предпринять?

— Идёмте в «Корабль», — сказал Антон. — Там всё тщательно обдумаем.

В кают–кампании они сели в кресла и некоторое время молчали. Вадима бил озноб. И почему–то очень хотелось говорить.

— Ну и планета! — сказал он, напрягая челюсти. — Никогда о таком не слыхал. Ничего не понять.

Что? Откуда? Почему? Ведь говорили, что никто здесь раньше не бывал. И главное — мальчик. Мальчик–то как сюда попал? — Он замолчал и закрыл глаза, стараясь прогнать видение припорошенного снегом лица.

Антон поднялся и стал ходить вокруг стола, опустив голову. Саул набил трубку.

— Разрешите мне закурить, — попросил он.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон рассеянно. Он остановился. — Сейчас мы сделаем вот что, — решительно заговорил он. — У нас есть глайдер. Возьмём продовольствие и одежду и проведём спиральный поиск вокруг «Корабля». На холмах могут остаться живые.

В голосе его звучали твёрдые, незнакомые Вадиму нотки. Вадим с любопытством поглядел на него, и Антон заметил его взгляд.

— Видите ли, товарищи, — сказал он мягче, — турпохода у нас не вышло. Обстоятельства, по–моему, чрезвычайные. Мне, наверное, придётся приказывать, а вам придётся подчиняться. — Он поглядел на Саула и виновато развёл руками. — Вы видите, Саул, ничего не поделаешь…

— Да, — сказал Саул. — Да. Конечно. Я готов, капитан. Приказывайте.

— А ты что, уже всё понял? — спросил Вадим.

— Потом поговорим, — сказал Антон. — Сначала надо вырастить глайдер. Пойдём, Вадим.

Саул положил трубку и тоже поднялся, поправляя на плече ремень скорчера.

— Спасибо, Саул, мы сами справимся, — сказал Антон.

— Я хотел бы с вами, — сказал Саул. — Я вам не помешаю, капитан.

Они вынесли Яйцо и уложили его на вершине холма поодаль. Снег пошёл гуще, снежинки щекотали щёки, и Вадим раздражённо размазывал их по лицу. Дул ветер и было холодно стоять и смотреть, как Антон неторопливо и аккуратно укрепляет активаторы на гладкой поверхности механозародыша. Ветер обжигал голые руки и ноги, и Вадим подумал, что, может быть, где–то за холмами бредут сейчас, проваливаясь в сугробы, босые люди в длинных серых рубахах.

Антон выпрямился и подышал на покрасневшие руки.

— Кажется, так, — сказал он. — Проверь, Дима.

Вадим осмотрел положение активаторов. Всё было в порядке. Они пошли обратно к «Кораблю». Саул шёл следом — он всё время держался у них за спиной. «Корабль» уже набирал энергию, он чёрной горой возвышался на белом, изогнутая

верхушка его следила за невидимой EH7031. По дороге Вадим сорвал несколько цветков и пожалел их — какие они жалкие и бледные.

И живых и мёртвых —
Снег тихонько всё украл…
Сразу стало пусто.

Снег валил всё сильнее и сильнее, и когда они подошли к «Кораблю», Саул сказал:

— Скоро всё заметёт. Неплохо бы произвести вскрытие.

— Зачем? — сказал Антон. — Он безнадёжно мёртв.

— Вот именно. Надо бы выяснить, почему они умерли.

— Они замёрзли, — сказал Антон. — И не нужно нам никакого вскрытия.

— Мне казалось… — начал Саул, но тут же замолчал и полез в люк.

В кают–кампании Антон сказал:

— Поймите, я не настоящий врач. Мне… не хочется.

— Я понимаю, — сказал Саул.

— Вадим, — сказал Антон. — Упакуй продовольствие. Все наличные запасы. Саул, вы говорили, что умеете шить. Надо подогнать костюмы. А я

соберу медикаменты.

Комбинезоны были безразмерные, но разница в росте между Антоном и Саулом была слишком велика. Комбинезон для Антона надо было сжимать, а для Саула — растягивать. И сразу же выяснилось, что шить Саул не умеет. Он растерянно вертел в руках ультразвуковую приставку, мял и разглаживал костюмы, и смущённо поглядывал на Антона. По–видимому историки, сидя в своих уютных кабинетах, понятия не имели о таких вещах. Вероятно, их главным образом интересовало, как это делалось раньше. Вадиму пришлось отобрать у Саула насадку и показать, как это делается сейчас. К его изумлению, историк оказался понятлив, и через несколько минут каждый занимался своим делом.

Саул сказал, не поднимая головы от работы:

— Почему вы думаете, капитан, что остались ещё живые?

— Я не думаю, — ответил Антон. — Я надеюсь.

Вадим кончил укладывать мешок, застегнул его и присел к столу.

— А те остальные четверо тоже молодые? — спросил он.

— Да, — сказал Саул. — Совсем мальчики. Почти подростки. Гораздо моложе вас.

— Лет пять назад, — проговорил Вадим, — мы с ребятами хотели взять корабль и слетать на Тагору. Нам, конечно, не дали. Может быть, этим повезло?

— Непонятно, — сказал Антон. — Корабль может получить только пилот со стажем. А какой у этих стаж… Мальчишки! Вообще всё непонятно. Золочёные ногти. Какие–то дикие рубахи на голое тело… И главное, как они попали сюда?

— Очень просто, — сказал Вадим. — Кто–нибудь собирался лететь, оставил звездолёт перед домом, они ночью забрались и стартовали. Играли в Румату–Искателя. А здесь вылезли и заблудились. Ударил мороз. Вот и всё.

— То, что ты говоришь, — холодно сказал Антон, — совершенно невозможно. Если бы даже всё было так, то я бы об этом знал. Они погибли несколько дней назад. На Земле был бы объявлен глобальный поиск.

— А если они здесь с кем–нибудь из старших?

Антон помолчал.

— Тогда поищем старших, — сказал он наконец.

— Меня смущает одно, — сказал Вадим. — Эти невообразимые рубахи…

— Это не рубахи, — сказал Саул неожиданно.

Ребята повернулись к нему.

— Это мешки. С дырками для головы и для рук. Грубые джутовые мешки. Теперь таких не бывает, — он грустно усмехнулся. — Понимаете, Вадим, мальчикам легче было бы раздобыть скорчер или батисферу, чем один такой вот мешок. Это было очень, очень давно. И мне не нравится, что они голые, и что вместо одежды на них мешки.

Вадим почувствовал, что у него перестало биться сердце. Странным и жутким показалось ему это — джутовые мешки, которые были очень, очень давно. Это было ощущение не опасного, а именно жуткого. Как будто на твоих глазах человек вдруг стал стареть, стареть и превратился в дряхлого, морщинистого старика. Он встряхнулся, и ощущение пропало. Саул развернул комбинезон, поднял его на вытянутых руках и осмотрел.

— И поэтому я не согласен с вами, — продолжал он. — Я думаю, это местные жители. И… не знаю, поймёте ли вы меня… Во времена джутовых мешков происходили странные вещи. Мне представляется, что этих юношей раздели до нитки. И бросили здесь, в пустыне. Примерьте, Антон.

Антон взял комбинезон.

— Значит, по–вашему, на Сауле существует своя цивилизация? — недоверчиво спросил он.

— И здесь времена джутовых мешков?

— Ну, откуда я могу знать это, капитан? Я говорю только то, что вижу. Я вижу джутовые мешки, я знаю, что джутовых мешков на Земле в наше время нет. Значит, это не земляне. Может быть, это ограбленные. А может быть, это паломники. Фанатики. Шли на поклонение святым мощам, шли, по обету одетые в мешковину, сбились с дороги, попали в метель… Не знаю.

До Вадима всё это плохо доходило. Все эти слова — «паломник», «мощи», «обет» — они были знакомы ему, это было что–то связанное с религиозной обрядностью, но они не имели для него никакого реального содержания. Мельком он подумал с уважением, что Саул, по–видимому, настоящий специалист. Но не это поразило его.

— Позвольте, — сказал он. — Значит, цивилизация? Вот так так… Отправились на прогулку и между делом открыли цивилизацию! Не верю, — заявил он.

— Между делом, — сказал Антон задумчиво. — Между делом ли? ЕН7031 числится в плане исследований…

— Да, ты говорил об этом. Экспедиция не состоялась.

— Экспедиция не состоялась. А между тем

EH7031 находится в списке звёзд, лежащих на гипотетическом пути Странников.

— Никогда не слыхал о таком списке, — сказал Вадим.

— Такой список есть. Список Горбовского–Бадера. Так что шансы найти цивилизацию были, Вадим. И может быть, Саул прав, это местные мальчики. А вот какое они имеют отношение к Странникам — это уже другой вопрос…

Вадим сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками. Вот так цивилизация! Хорошо, думал он, пусть это жертвы грабителей. Но это же чушь. Здоровые шестнадцатилетние мальчишки дали себя раздеть без сопротивления и покорно замёрзли. Но не фанатики же они! Он представил себе фанатика. Это был измождённый плешивый старик с безумными глазами, с огромной ржавой цепью через плечо. Нет, подумал он. Какие это фанатики!.. Может быть, это сами Странники? Да. В джутовых мешках. Он вспомнил циклопические сооружения, оставленные Странниками на Владиславе, и его охватила тоска. Такая тоска наваливалась на него каждый раз, когда он брался за непосильную задачу.

— Антон, — сказал он. — Как там глайдер?

Антон взглянул на часы.

— Пора, — сказал он. — Пойдёмте. Одевайтесь и берите по мешку.

— Позвольте, однако же, уточнить, — сказал Саул. — Что мы будем искать?

Вадиму показалось, что Антон колеблется.

— Мы будем искать терпящих бедствие.

Саул застегнул комбинезон.

— А если, по счастью, здесь больше никто не терпит бедствие? Я имею в виду вариант с грабителями.

— При этом варианте я бы не стал стесняться, — пробормотал Вадим.

— При любом другом варианте, — раздельно сказал Антон, — я прошу не делать ни одного движения без моего приказа.

Он пошёл к двери.

— Вы не берёте оружия? — спросил Саул.

— Нам не понадобится оружие, — сказал Антон.

— Хватит здесь мертвецов, — сказал Вадим.

Они вышли из «Корабля» и сразу же провалились в глубокий снег. Глайдер был еле виден за белой завесой. Это был глайдер–антиграв «кузнечик», надёжная шестиместная машина, очень популярная у десантников и следопытов. Он стоял на краю громадной ямы–проталины, откуда

поднимался густой пар, и гладкие бока его были ещё тёплыми, а в кабине было даже жарко.

Они свалили мешки в багажник и забрались в машину под гладкий прозрачный фонарь.

— Ах, досада! — сказал Антон неожиданно. — Димка, прости, пожалуйста. Ведь тебе для перевода, наверное, понадобится анализатор.

— Для какого перевода? — спросил Саул.

Вадим потёр подбородок.

— Анализатор не анализатор, — сказал он медленно, — а без пары мнемокристаллов на первый случай не обойтись. Придётся кому–то сходить в «Корабль».

— Эх, — сказал Антон и полез из глайдера. — Сколько тебе их нужно?

— Одной пары будет достаточно. Только бери с присосками, чтобы не держать в руках.

Антон побежал по снегу к «Кораблю».

— О чём здесь шла речь? — осведомился Саул.

— Надо же будет как–то общаться с людьми, если мы их найдём, — ответил Вадим.

Он включил двигатель, мягко поднял глайдер, потом снова опустил.

— И вы об этом так, — Саул пошевелил пальцами, — легко говорите?

Вадим посмотрел на него с удивлением.

— А как я должен говорить?

— Ну да, естественно, — сказал Саул.

«Вот странный человек, — подумал Вадим, — неужели он действительно всю жизнь просидел в своём кабинете, слушая Мендельсона?»

— Саул, — сказал он. — После работ Сугимото общение с гуманоидами — задача чисто техническая. Вы что, не помните, как Сугимото договорился с тагорцами? Это же была большая победа, об этом много писали и говорили…

— Ну как же! — с энтузиазмом произнёс Саул. — Как такое забудешь! Но я думал, почему–то, что… э–э… на это способен только Сугимото.

— Нет, — сказал Вадим пренебрежительно. — Это может сделать любой структуральный лингвист.

Вернулся Антон, сунул Вадиму коробку с кристаллами и забрался на своё место.

— Вперёд, — сказал он. Он посмотрел на Саула. — Что тут у вас произошло?

— А в чём дело?

— Мне показалось… Ну, это неважно. Вперёд.

— Слушай, — сказал Вадим, глядя на еле приметный снежный холмик возле «Корабля». — Нехорошо оставлять их так. Может, сначала похороним?

— Нет, — сказал Антон. — Честно говоря, даже на это мы не имеем права.

Вадим понял. Это не наши мёртвые и не нам хоронить их по нашим законам. Он взялся за рукоятку руля и включил двигатель. Глайдер плавно взмыл над сугробами и кинулся в белую мглу.

Вадим сидел, привычно ссутулившись, и только чуть шевелил руль, проверяя устойчивость. Навстречу мчался снег. Вадим видел только белую тысячехвостую звезду, центр которой медленно плавал перед его глазами. Он включил поисковые локаторы.

— Что это за экраны? — спросил позади Саул.

Вадим объяснил:

— Во–первых, я ничего не вижу, а во–вторых, их могло засыпать снегом.

— Спасибо, — сказал Саул. — Я понял.

Глайдер выскочил из метели. Он мчался над заснеженной холмистой равниной. Вадим медленно наращивал скорость, и двигатель густо свистел, и бешено неслись под днищем округлые вершины холмов. Небо было совершенно белое, невысоко над горизонтом справа светилось слепящее пятно — EH7031, а на севере отчётливо проступили очертания скалистых гор.

Слепящее пятно медленно смещалось вправо и назад: глайдер шёл по десятикилометровой дуге вокруг «Корабля». И впереди, и справа, и слева были только холмы, холмы, холмы. Антон вдруг сказал:

— Глядите, стадо!

Вадим затормозил и развернулся. Глайдер повис неподвижно. В ложбине между холмами быстро двигалась кучка каких–то животных. Это были некрупные четвероногие, похожие на безрогих оленей, и они, выбиваясь из сил, прыгали, проваливаясь в снег, закидывая назад длинные черноносые головы. Тонкие ноги их застревали в сугробах, и они падали, барахтались, поднимая тучи снежной пыли, и снова вскакивали, и снова бежали, изгибаясь при каждом прыжке. За ними оставалась борозда взрытого снега. А по этой борозде, низко пригнув длинные вытянутые шеи, мчались на голых голенастых ногах громадные, похожие на страусов птицы. Только клювы у этих птиц были не как у страусов — мощные, горбатые, с загнутым вниз страшным остриём.

Вадим спикировал и пошёл вдоль ложбины. Стадо пробежало под глайдером, даже не заметив его, а птицы — их было три — разом остановились, присели на согнутых ногах и, задрав

головы, страшно разинули клювы. Какая охота, мельком подумал Вадим, какая могла бы быть охота! Он снова поднял глайдер и перевёл его в джамп–режим. Совсем близко, едва не царапнув по спектролиту фонаря, щёлкнули чудовищные клювы, и сразу исчезли. Теперь глайдер мчался двухкилометровыми прыжками, взлетая к низкому небу, и каждый раз равнина словно распахивалась внизу, и было видно, что на десятки километров вокруг тянется бескрайняя снежная пустыня.

— Плохо дело, — пробормотал Саул.

— Почему?

— Птицы…

Ну и цивилизация, подумал Вадим. Не могли организовать поиск. Дали мальчишкам уйти голыми, безоружными. Здесь, наверное, и шагу нельзя пройти без оружия. А ведь смелые, наверное, были ребятишки…

Глайдер замкнул десятикилометровый виток, и начал второй, в двадцать километров. И сейчас же Антон сказал:

— Вот они откуда, наверное… Тридцать градусов вправо по курсу!

На краю равнины под серо–синей массой хребта виднелись какие–то смутные, правильной

формы, тёмные пятна.

— Похоже на большой населённый пункт, — сказал Саул. — Здесь нет бинокля?

Спектролит фонаря рассеивал дымку, и Вадим, пригнувшись к окулярам, различил очертания зданий, зубчатых стен и куполов.

— Город, — сказал он. — Что будем делать?

— Город? — спросил Саул. — Любопытно. И сколько до него?

— Километров пятнадцать.

— Так. Значит, до «Корабля» от города километров тридцать… При известной выдержке это можно пройти даже босиком.

Вадима передёрнуло.

— В жизни не стал бы пробовать, — пробормотал он.

Глайдер, чуть подрагивая под порывами ветра, висел в двух десятках метров над землёй. До чего же здесь всё нелепо устроено, думал Вадим. Где поисковые партии? Где вертолёты и глайдеры с добровольцами? Люди замёрзли рядом с городом, и здесь на десятки километров вокруг ни одной живой души, кроме этих птичек. А птичкам здесь как раз совершенно нечего делать. Надо было выбить их ещё сто лет назад и не устраивать под боком заповедник хищников. И чего медлит

Антон? Почему бы нам не явиться в город и не наставить обитателей на путь истинный? Честное слово, формальностями первого контакта можно для такого случая пренебречь. Он поглядел на Антона.

Антон медлил. Он сидел выпрямившись, сильно прищурив глаза и сжав губы. Такое лицо у него было, когда он решал в уме навигационную задачу.

— Итак, шкип? — сказал Вадим.

Лицо Антона приняло обычное выражение.

— Честно говоря, — проговорил он, — нам следовало бы сейчас вернуться на «Корабль». Но… Вперёд. Остановишься на окраине. Держись повыше.

Глайдер преодолел расстояние до города в три прыжка, и уже в конце второго Вадим понял, что это не город. Во всяком случае, он сразу понял почему здесь никто не беспокоится о судьбе пропавших мальчиков.

— Здесь произошёл ужасный взрыв, — пробормотал за спиной Саул.

Глайдер повис над краем исполинской воронки, похожей на жерло действующего вулкана. Воронка шириной в полкилометра была до краёв наполнена тяжёлым шевелящимся дымом. Дым

был сизый, и он лениво слоился и покачивался и был, вероятно, намного тяжелее воздуха, потому что ни одной струйки не поднималось над воронкой. Со стороны казалось, что это не дым, а жидкость. К краям воронки лепились засыпанные снегом развалины. Из сугробов торчали обглоданные остатки разноцветных стен, покосившиеся башни, скрученные металлические конструкции, покосившиеся купола.

Вадим ошеломлённо глядел вниз. Саул пробормотал невнятно:

— Ну, это нам знакомо… Бомбёжка… Взорвались склады… И совсем недавно — дым ещё не рассеялся, что–то там горит…

Вадим помотал головой.

— В таком городе жить нельзя. Люди разбежались кто куда, конечно. Удивительно, что мы нашли только пятерых.

— Остальные там, — сказал Саул, глядя в воронку.

— Это не цивилизация, а безобразие, — проворчал Вадим. — Что за подлое легкомыслие? Кто же ставит такие опыты в городе? Нужно быть последним…

Антон сказал негромко.

— А вон там идут машины…

С севера к воронке подходила узкая, едва заметная отсюда лента дороги. По ней густо и неторопливо ползли тёмные точки. Ага, подумал Вадим, значит, ещё не всё потеряно. Он повернул глайдер, пересёк воронку, и они увидели превосходное шоссе, уходившее прямо в дым, а на шоссе — бесконечную колонну машин. Машины занимали всё полотно шоссе. Они плотным строем шли с севера, только с севера, плоские зелёные машины, похожие на пассажирские атомокары, но без ветрового стекла; маленькие бело–синие машины, тащившие за собой длинный хвост открытых платформ; оранжевые машины, похожие на полевые синтезаторы; огромные чёрные башни на гусеницах и маленькие машины с широкими раскинутыми крыльями — все они неодолимо, ряд за рядом в полном порядке катились по шоссе, с отчётливой точностью сохраняя интервалы и дистанции, и ряд за рядом скрывались в сизом дыму воронки.

— Это всего лишь автоматы, — сказал Вадим.

— Да, — сказал Антон.

— Значит, их кто–то посылает. Скорее всего, на восстановительные работы. И мы найдём людей на другом конце шоссе… — Вадим запнулся. — Послушайте, Саул, — сказал он, — а были такие

машины в эпоху джутовых мешков?

Саул не отвечал. Как заворожённый он глядел вниз, и на лице его было восхищение и благоговение. Он поднял на Вадима вытаращенные глаза. Мохнатые брови его торчали дыбом.

— Какая техника! — проговорил он. — Какое гомерическое шествие! Какие грандиозные масштабы! Им конца нет!

Вадим удивился и тоже посмотрел вниз.

— А что такого? — спросил он. — А! Масштабы? Да, масштабы безобразные. На восстановление города хватило бы десятка киберов.

Он снова посмотрел на Саула. Саул быстро замигал.

— А мне вот нравится, — сказал он. — Это же очень красиво. Разве вы не видите, что это красиво?

— Вадим, — сказал Антон. — Давай вдоль шоссе. Разбираться, так разбираться.

Вадим пустил глайдер. Поток машин внизу слился в пёструю полосу.

— Вот теперь красиво, — сказал Вадим. — Но вы мне не ответили, Саул. Совмещаются джутовые мешки с этой техникой?

— А почему же нет? Из разрушенных городов люди убегали и вовсе без ничего. Дались вам эти

джутовые мешки! Джутовые мешки существовали несколько веков. Дешёвая удобная вещь. Дрова носить, например.

— Какие дрова?

— Деревянные. Баню топить.

Вадим вспомнил про банный лист и замолчал, глядя вперёд. Ни конца шоссе, ни конца колонне машин видно не было. По обе стороны шоссе уходила к горизонту нетронутая заснеженная равнина. Вадим прибавил скорость. Какое–то бессмысленное предприятие, размышлял он. Уходят в дым, как в пропасть. Он прикинул возможные размеры воронки и количество падающих в неё машин. Получалась нелепость. Впрочем, я не инженер. Рядовой гуманоид с Тагоры — они там все инженеры — решил бы, что это шоссе — просто довольно большой конвейер, несущий детали какой–то средних размеров машины, которую собирают под землёй. А вот простой буколистический леонидянин был бы убеждён, что это стада животных, перегоняемых с пастбища на бойню.

— Антон, — позвал он. — Представляешь леонидянина на нашем месте?

Антон ответил:

— Глупый леонидянин вообразил бы, что всё ясно. А умный сказал бы, что информации недо-

статочно.

Да, информации недостаточно. Все машины идут на юг, и ни одна не возвращается. Если они действительно идут на восстановление города, то они восстанавливают его из самих себя. А почему бы, собственно, и нет?

— Вы знаете, — сказал вдруг Саул, — мне даже как–то страшно. Сколько мы уже прошли? Километров сорок? А они всё идут и идут.

— Лучше бы они пустили эту технику, чтобы искать разбежавшихся, — сказал Вадим.

— Ну, это вы зря, — возразил Саул. — В такой каше не до отдельных людей.

— Как это так — не до людей? Для кого же они город восстанавливают? Тем мальчикам город уже не нужен…

Саул пренебрежительно махнул рукой.

— Во время взрыва погибло, наверное, тысяч десять таких мальчиков. Жалко, конечно, да не до них.

Вадим взбеленился. Глайдер рыскнул в сторону.

— Вы, Саул, извините меня, но ваш уютный кабинет и занятия историей повлияли на вас странно. Вы рассуждаете, как я не знаю кто. Вы ещё нам тут скажете, что цель оправдывает

средства.

— А что же, — согласился Саул хладнокровно. — Бывает, что и оправдывает.

Вадим сдержался. Кабинетный реликт, подумал он. А вот оставь его без штанов в снегу, и он будет страшно обижен, что вся техника планеты не спешит к нему на помощь. Тут Вадим увидел просёлок и резко затормозил.

Просёлок уходил от шоссе на восток, петляя между холмами.

— Это первая дорога в сторону, — сообщил Вадим. — Будем сворачивать?

— Да не стоит, — сказал Саул. — Ну что там может быть интересного?

Антон колебался. Ну что он всё время мямлит, с раздражением подумал Вадим. Словно подменили человека.

— Так как же? — спросил он. — Я за то, чтобы идти дальше по шоссе.

— Я тоже, — сказал Саул. — Вернуться мы всегда успеем. Ведь правда, Вадим?

— Хорошо, лети прямо, — нерешительно сказал Антон. — Лети прямо. Хотя… имейте в виду… Ладно, лети прямо.

Вадим снова погнал глайдер вдоль шоссе.

— Что с тобой сегодня, Тошка, — осведомился

он. — Ты мямлишь, как витязь на распутье: пойдёшь направо — глайдер потеряешь, пойдёшь налево — голову потеряешь…

— Вперёд смотри, вперёд, — сказал Антон спокойно.

Вадим пожал плечами и стал демонстративно смотреть вперёд. Через пять минут он увидел впереди серое пятно.

— Опять яма с дымом, — сказал он.

Это была точно такая же воронка. Края её были запорошены снегом, в ней тяжело колыхался всё тот же сизый дым, и из дыма непрерывным потоком поднимались машины.

— Нечто подобное я и ожидал увидеть, — сказал Антон.

— Но здесь же нет людей, — растерянно сказал Вадим. — Мы опять ничего не узнаем.

Странная мысль поразила его. Он взглянул на компас и нагнулся к окулярам. Развалин по краям воронки не было. Это была другая воронка.

— Потрясающе, — сказал Саул. — Выходят из дыма и уходят в дым.

— Давайте поворачивать, — нетерпеливо сказал Вадим. Он уставился на Антона. На лице Антона опять была та же отвратительная нерешительность.

— Виноват, — сказал Саул. — Пройти мимо такого удивительного феномена!..

— Да какой там феномен! — вскричал Вадим. — Что вы всё восхищаетесь? Какой–то бездарный инженер перебрасывает машины через подпространство… Нашёл место для нуль–транспортировки! Развалил город, бесталанный дурак… Ну, что ты всё размышляешь, Антон?

— Шумно у нас что–то стало, — сказал Антон, глядя в сторону.

— Ну, а в чём дело? Тебя что, интересуют местные производственные процессы?

— Да нет… — вяло сказал Антон. — Какое мне до них дело?

Вадим повернулся вместе с креслом кругом, упёр руки в колени и принялся рассматривать по очереди Антона и Саула. У Антона был такой вид, словно он засыпает. Он даже руки сложил на животе и сцепил пальцы. А Саул смотрел на Вадима с выражением какого–то удивлённого восхищения и умиления. Рот у него был полуоткрыт.

— В чём дело? — спросил Вадим. — Чего вы оба нанюхались?

Саул встрепенулся.

— Да, конечно, — воскликнул он. — Как я сразу не подумал! Всё понятно: имеем две дыры на

расстоянии восьмидесяти километров. Из одной дыры выходят машины, проходят по превосходной автостраде восемьдесят километров и без всякого видимого эффекта уходят в другую дыру. Из другой дыры они по подземному ходу возвращаются в первую…

Вадим тяжко вздохнул.

— Они не возвращаются в первую, — сказал он. — Это нуль–транспортировка, понимаете? (После каждого слова Саул истово кивал.) Элементарная нуль–транспортировка. Кто–то использует это место, чтобы перегонять технику на большие расстояния кратчайшим путём. Может быть, на тысячи километров. Может быть, на тысячи парсеков. Неужели непонятно?

— Да нет, почему же, всё понятно! — воскликнул Саул. — Вид у него был несколько обалделый. — Чего тут не понять? Типичная нуль–транспортировка…

— Ну да, — сказал Вадим. — И нет нам до неё никакого дела. Людей надо искать!

— Хорошо, — сказал Антон. — Будем искать людей. Поворачивай на просёлок.

Вадим развернул глайдер и погнал его по шоссе обратно.

— Антон, ты что, плохо себя чувствуешь? —

спросил он, помолчав.

— Чувствую я себя неважно, — сказал Антон. — Потом не забудь подтвердить это, если тебя спросят…

— Кто спросит?

— Спросят, — сказал Антон. — Будут такие… интересующиеся.

Вадим не стал расспрашивать — было ясно, что это бессмысленно. Он посмотрел на машины внизу, затем на спидометр.

— Примитивные автоматы, — пробормотал он. — Постоянная скорость, постоянные интервалы… Стоило из–за них сворачивать пространство…

Показался просёлок.

— Как лететь, — спросил Вадим. — Над просёлком, или срезать?

— Над просёлком, — ответил Антон. И спустись пониже.

Вадим с удовольствием опустился почти до самой земли и пошёл точно над дорогой — он очень любил быструю езду с крутыми поворотами. Сбоку, прыгая на неровностях, неслась по снегу округлая тень глайдера.

— Ну вот, опять птицы, — сказал Саул сердито.

Впереди у самой дороги топталось несколько давешних голенастых чудовищ. Они разгребали

когтистыми лапами сугробы и шарили в разрыхлённом снегу. Когда глайдер приблизился, они разом присели на лапы, закинули шеи и распахнули чёрные клювы. С клювов свисали какие–то лохмотья.

— Что за мерзкие твари! — сказал Саул с отвращением. Он перегнулся на сиденье и посмотрел назад. — Что они там выкапывают?

Вадим вдруг понял, что они выкапывают, но это было так страшно, что он не поверил.

— Вы не видели тахоргов, Саул, — сказал он с принуждённой весёлостью.

— По сравнению с тахоргами это желтоносые цыплята. Надо будет подстрелить одну, Антон, а?

— Можно, — сказал Антон.

Саул сел прямо.

— Мне не нравится, что они там что–то выкапывают, — сказал он мрачно.

Никто не ответил. Так в молчании они летели ещё минут десять. Снег на просёлке был какого–то скверного навозного цвета. На нём виднелись следы не то гусениц, не то колёс, а справа и слева по снежной целине местами тянулись цепочки человеческих следов. Круглые холмы по сторонам были пусты. Кое–где из сугробов торчали чахлые прутики да чёрные кривые корни, похо-

жие на скрюченные руки.

— Ещё одна, — сказал Саул.

На вершине холма стояла птица. Заметив глайдер, она стремительно ринулась наперерез. Она мчалась, высоко задирая ноги, растопырив маленькие крылья, вытянув жилистую шею и пригнув клюв к самому снегу. Маленький горящий глаз был устремлён на глайдер.

— Не успеет! — с сожалением проговорил Вадим.

Но птица успела. «Тэ–эк!» — крякнул Вадим с удовольствием. Глайдер содрогнулся. В воздухе мелькнула растопыренная когтистая лапа. Антон и Саул сейчас же обернулись.

— Ещё катится! — сообщил Саул. — На редкость мерзкое животное… Ух ты! — изумлённо воскликнул он.

Вадим сейчас же включил экран заднего вида. Взъерошенная птица была уже на ногах и, прихрамывая, мчалась вслед за глайдером. Вид у неё был остервенелый. Скоро она отстала и скрылась за поворотом.

— Если мы встретим людей, — сказал Вадим, — я им предложу истребить эту мерзость на всей равнине. Раз у них у самих руки не доходят… Как ты полагаешь, Тошка?

— Там видно будет, — сказал Антон.

4

Холмы стали ниже, и вдруг впереди открылся высокий снежный вал. Антон сразу заметил крошечные чёрные фигурки, копошившиеся на его гребне. Ну, начинается, подумал он и сказал:

— Останови.

— Зачем? — возразил Вадим. — Ты что, не видишь — там люди!

— Останови, говорят тебе!

— Ну вот, — недовольно сказал Вадим, но повиновался.

Сейчас он повернётся и посмотрит на меня с неодобрением, подумал Антон. До чего же мне трудно…

Ему было трудно. Шанс столкнуться с неизвестной цивилизацией был чрезвычайно мал, но реален, и каждый звездолётчик знал инструкцию Комиссии по контактам, запрещавшую самостоятельные контакты с неизвестными цивилизациями. Теперь глупо отступать, думал он. Надо было покинуть Саулу сразу же, едва мы увидели трупы. Надо было… Только никто бы этого не сделал. И всё же существует инструкция.

И составлена она как раз на такой вот случай — когда у тебя в экипаже один так и горит от жажды деятельности, а другой вообще непонятно чего хочет. А самого тебя раздирают противоречия. Ведь почти наверняка где–то поблизости тысячи людей терпят бедствие. Во–он те самые человечки, которые бессмысленно бродят по гребню… И Димка смотрит с неодобрением… И Саул смотрит с совершенно неуместным любопытством. Историк со скорчером. Кстати, не забыть о скорчере… И инструкция, очень толковая и простая инструкция: «…никаких самодеятельных контактов с аборигенами…» Очень просто: вышел, осмотрелся, заметил признаки живой цивилизации и… «необходимо немедленно покинуть планету, тщательно уничтожив все следы своего пребывания». А у меня там огромная яма из–под глайдера, а рядом с ямой — пять трупов…

— Ну, в чём дело? — спросил Вадим. — Приступ меланхолии?

Разумеется, структуральные лингвисты и историки понятия не имеют об инструкции. Объяснить им — наверняка воспримут как личное оскорбление: «Мы не дети! Сами знаем, что хорошо, а что плохо!»

Тут Антон обнаружил, что глайдер медленно

ползёт по направлению к валу. И он решился.

— Поднимайся на гребень, — сказал он, — сядь там подальше от людей. И вот что, товарищи. Я вас очень прошу. Не устраивайте вы там братства цивилизаций.

— Мы не дети, — с достоинством сказал Вадим, увеличивая скорость.

Глайдер рывком взлетел на гребень вала. Вадим откинул фонарь, высунулся и изумлённо свистнул. Внизу за валом открылся гигантский котлован, и там было полно людей и машин. Но Антон не смотрел вниз.

Он с ужасом и жалостью смотрел на сгорбленного синего от стужи человека в рваном джутовом мешке, который медленно, с трудом переставляя ноги, шёл прямо на глайдер. Лицо его казалось пёстрым от коросты, голые руки и ноги были покрыты цыпками, слипшиеся грязные волосы торчали во все стороны. Человек скользнул по глайдеру равнодушным взглядом и, обогнув его, пошёл дальше по гребню. Оступаясь, он жалобно и привычно постанывал. Это же не человек, подумал Антон, это же только похоже на человека…

— Господи боже мой! — хрипло воскликнул Саул. — Что же там делается!

Тогда Антон посмотрел вниз. На дне котлована на грязном растоптанном снегу среди десятков разнообразных машин копошились, сидели и даже лежали, бродили и перебегали люди, босые люди в длинных серых рубахах. Вокруг на границе цельного снега люди стояли неровными изломанными шеренгами. Их было много — сотни, а может быть, и тысячи. Они стояли понуро, глядя себе под ноги. Кое–где в шеренгах были видны лежащие, и на них никто не обращал внимания.

Машин в котловане было несколько десятков. Некоторые из них зарылись в землю, другие были скрыты под снегом, но Антон сразу увидел, что это были такие же машины, как и те, что двигались по шоссе. Несколько машин судорожно дёргались, разбрызгивая комья грязи и снега, безо всякого порядка и видимой цели.

Антон вдруг сообразил, что в котловане неестественно тихо. Тысячи людей находились там, а слышно было только приглушённое ворчание механизмов да изредка пронзительные жалобные выкрики.

И кашель. Время от времени кто–то где–то начинал хрипло надсадно кашлять, задыхаясь и сипя, так что начинало першить в горле. Этот ка-

шель немедленно подхватывали десятки глоток, и через несколько секунд котлован наполнялся трескучими сухими звуками. На некоторое время движение людей останавливалось, затем раздавались жалобные выкрики, резкие, как выстрелы, щелчки, и кашель прекращался…

Антону было двадцать шесть лет, он давно уже работал звездолётчиком и повидал многое. Ему приходилось видеть, как становятся калеками, как теряют друзей, как теряют веру в себя, как умирают, он сам терял друзей и сам умирал один на один с равнодушной тишиной, но здесь было что–то совсем другое. Здесь было тёмное горе, тоска и совершенная безысходность, здесь ощущалось равнодушное отчаяние, когда никто ни на что не надеется, когда падающий знает, что его не поднимут, когда впереди нет абсолютно ничего кроме смерти один на один с безучастной толпой. Не может быть, подумал он. Просто очень большая беда. Просто я никогда ещё не видел такого.

— Никогда мы не сможем им помочь, — пробормотал Вадим. — Тысячи людей, и ничего у них нет…

Антон пришёл в себя. Два десятка грузовых звездолётов, подумал он. Одежда. Пять тысяч

комплектов. Еда, десяток полевых синтезаторов. Госпиталь, штук шестьдесят домов. Или мало? Может быть, здесь не всё? И может быть, не только здесь?..

Хорош бы я был, если бы приказал с шоссе вернуться на «Корабль», подумал он с удовлетворением.

Они стояли молча, не выходя из глайдера. Было непонятно, чем заняты люди на дне котлована. Они возились с машинами. Наверное, машины были их надеждой. Может быть, они хотели исправить их, или использовать, чтобы выбраться из снежной пустыни.

Вадим сел и включил двигатель.

— Стой, — сказал Антон. — Ты куда?

— На Землю, — ответил Вадим. — Нам не справиться.

— Выключи двигатель. Начинаются нервы.

— При чём здесь нервы? Нашими семью хлебами их не накормишь.

Антон поднял мешок с медикаментами и перебросил через борт. Потом он поднял мешок с продовольствием.

— Возьмите, — сказал он Саулу. — Вадим, приготовь свой транслятор. Будешь переводить.

— Зачем это? — сказал Вадим. — Зачем так

усложнять? Мы только потеряем время, а здесь умирают каждую минуту, наверное.

Антон перебросил через борт мешок с продовольствием.

— Узнаем, сколько их. Узнаем, что им нужно. Узнаем всё. С чем ты собираешься возвращаться на Землю?

Вадим, не говоря ни слова, спрыгнул на снег и взял на плечо мешок с медикаментами. Антон выжидательно посмотрел на Саула. Саул вынул изо рта трубку.

— Всё это правильно, — проговорил он, — но не берите еду.

— Почему? Самых слабых мы накормим сразу же.

— Не делайте глупостей. Они увидят еду. Они увидят одежду. Они вас растопчут вместе с вашими мешками.

— Это не для всех, — вразумляюще сказал Антон. — Мы объясним, что это для самых слабых.

Несколько секунд Саул с выражением странного сожаления смотрел на него. Затем он спросил:

— Вы знаете, что такое толпа?

— Берите мешок, — тихо сказал Антон. — Что такое толпа, вы мне расскажете потом.

Саул со вздохом взвалил мешок на плечо, и

нагнулся за скорчером, валявшимся на сиденье.

— Нет, эту штуку вы оставьте, — попросил Антон.

— Нет, это я возьму, — возразил Саул. Он с сопением продел голову в ремень скорчера.

— Я вас прошу, Саул. Вы боитесь и можете выстрелить.

— Конечно боюсь. Я боюсь за вас.

— Я понимаю, что не за себя, — сказал Антон терпеливо.

Саул, оскалившись, полез через борт.

— Саул Репнин! — железным голосом сказал Антон. — Дайте сюда оружие!

Саул сел на борт.

— Вы не умеете стрелять, — заявил он.

— Умею, — сказал Антон, глядя ему в глаза.

И каждый раз так, с досадой подумал он. Каждый раз в самый ответственный момент объявляется кто–нибудь с нервами. И приходится урезонивать, вместо того, чтобы заниматься делом.

Саул отдал скорчер. Антон сунул оружие за пазуху и прыгнул в снег рядом с Вадимом. Вадим с мешком на плече стоял, наклонив голову, и поправляя на виске мнемокристалл с любопытством следил за действиями шкипа.

— Так я возьму третий мешок, — сказал Саул как ни в чём не бывало.

— Да, пожалуйста, — сказал Антон вежливо.

Они стали спускаться в котлован.

— В случае чего, — сказал Саул, — стреляйте в воздух. Все сразу разбегутся.

Антон не ответил. Он думал, как действовать дальше.

— Вадим, — окликнул он. — Ты сумеешь с ними договориться?

— Как–нибудь. Главное — ты. Будь ты настоящим врачом, я бы ни о чём не беспокоился.

Да, подумал Антон. Если бы я был настоящим врачом… Конечно, они гуманоиды. И анатомия их, наверное, не очень отличается от нашей. Но вот физиология… Он вспомнил, какие ужасные последствия вызвало применение простого йода гуманоидами на Тагоре.

— Хорошо было бы разобраться в машинах, — сказал Вадим. — Мы бы вывезли их отсюда. Может быть, им больше ничего и не нужно. Только почему им никто не помогает? Что за нелепая планета!.. Не удивлюсь, если у них взорвались сразу все города…

Они уже прошли половину склона, когда Саул попросил:

— Подождите минуточку.

Все остановились.

— Что случилось? — спросил Антон. — Устали?

— Нет, — сказал Саул, — я никогда не устаю. — Он пристально всматривался во что–то внизу. — Видите такую уродливую машину с краю? Во–он ту, самую ближнюю. На крыле — человек в сером…

— Вижу, — неуверенно сказал Антон.

— Ну–ка, ну–ка, у вас глаза помоложе…

Антон напряг зрение.

— Сидит человек, — сказал он и вдруг замолчал. — Странно… Пробормотал он.

— Там сидит человек в меховой одежде, — объявил Вадим. — Вот что я вижу. Закутан в меха до глаз.

— Ничего не понимаю, — сказал Антон. — Может быть, это больной?

— Может быть, — сказал Саул. — А вон ещё двое больных. Я давно на них смотрю. Далеко только очень…

На противоположной стороне вала на фоне белёсого неба чётко выделялись две чёрные мохнатые фигурки. Они стояли совершенно неподвижно, широко расставив ноги, держа в отставленной руке длинные тонкие шесты.

— Что это у них? — спросил Вадим. — Антенны?

— Антенны ли? — проговорил Саул, вглядываясь. — Кажется, я знаю, что это за антенны…

Резкий крик огласил котлован. Антон вздрогнул. Оглушительно взревел какой–то двигатель, раздался многоголосый жалобный вопль, и они увидели, как громоздкая, похожая на глубоководный танк машина со скрежетом закрутились на месте и вдруг поползла, опрокидывая другие механизмы, прямо на шеренгу людей. Из её недр выкарабкивались и кубарем скатывались в истоптанный снег человеческие фигурки. Шеренга не шелохнулась. Антон закрыл руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сквозь грохот и рёв прозвучал высокий жалобный голос, и тогда шеренга вдруг сомкнулась в плотную толпу и двинулась навстречу танку. Антон не выдержал — он закрыл глаза. Ему казалось, что сквозь рёв двигателя слышится жуткий мокрый хруст.

— Боже мой, — непонятно бормотал над ухом Саул. — Ох, боже мой…

Антон заставил себя открыть глаза. На месте танка громоздилась огромная шевелящаяся куча, которая медленно двигалась, всё больше и больше кренясь набок. За ней на снегу расплывалась

широкая ярко–красная полоса. Вокруг этой груды тел была пустота, только четверо людей в шубах неторопливо шли в этой пустоте, не отставая ни на шаг от облепленного людьми танка.

Антон машинально поглядел на людей с шестами. Они стояли там же, в прежней позе, совершенно неподвижные, только один из них вдруг медленным движением переложил шест в другую руку и снова застыл. Кажется, они даже не глядели вниз.

Рёв двигателя смолк. Танк был повален набок, и люди медленно сползали с него, отходя в сторону. Тогда Вадим, не говоря ни слова, швырнул свой мешок вниз и гигантскими прыжками кинулся вслед за ним. Антон тоже побежал вниз. Сквозь шум в ушах он слышал, как спешивший по пятам Саул выкрикивает, задыхаясь: «Ах, мерзавцы! Ах, подлецы!..»

Когда Антон добежал до танка, люди в мешковине уже снова строились в шеренгу, а люди в шубах ходили между ними и кричали жалобными стонущими голосами. Вадим, волоча за собой мешок, вымазанный в грязи и крови, ползал на четвереньках среди разбросанных под танком тел и был, по–видимому, в отчаянии. Он поднял к Антону бледное лицо и проговорил:

— Здесь одни мёртвые… Здесь все уже умерли…

Антон осмотрелся. Задыхающиеся, мокрые от пота и тающего снега, едва прикрытые рваной серой мешковиной, люди глядели на него мутными неподвижными глазами. И люди в шубах, сбившись поодаль в кучку, тоже глядели на на него. На секунду ему показалось, что перед ним старинное натуралистическое панно: все они были неподвижны и смотрели на него сотнями пар неподвижных глаз.

Он взял себя в руки. Те, кого искал Вадим, стояли в шеренге — высокий костлявый старик с ободранным влажно–красным лицом; юноша, прижимающий к груди неестественно вывернутую руку. Совершенно голый человек с серым лицом, вцепившийся себе в живот растопыренными пальцами с золотыми ногтями; человек с закрытыми глазами, поджавший одну ногу, из которой толчками била чёрная кровь… Все живые стояли в шеренгах.

— Спокойно, — сказал Антон вслух. Он нагнулся, раскрыл мешок с медикаментами и достал банку с коллоидом. Отвинчивая на ходу крышку, он направился к человеку с раздавленной ногой. Вадим с охапкой тампопластыря шёл за ним по

пятам… Скверная рана… Разворочены мускулы, кровь почти уже не идёт. Почему он не сядет?.. Почему его никто не поддержит? Коллоид… Теперь пластырь… Клади ровнее, Вадим, не выдавливай коллоид… Почему так тихо? Вот это уже хуже — разорван живот… Он уже мёртв. Как же он стоит?.. Вывернута рука — пустяк… Держи крепче, Вадим! Крепче! Почему он не кричит? Почему никто не кричит? А вон там уже кто–то упал… Да поднимите же вы его, вы там, здоровые!..

Кто–то тронул его за плечо и он резко повернулся. Перед ним стоял человек в шубе. У него было румяное грязноватое лицо, скошенные вниз глаза, на кончике короткого носа висела мутная капля. Ладони в меховых рукавицах были сложены перед грудью.

— Здравствуйте, здравствуйте… — сказал Антон. — Потом… Вадим, разберись с ним.

Человек в шубе покачал головой и быстро заговорил, и сейчас же рядом заговорил Вадим с очень похожей интонацией. Человек в шубе замолчал, с изумлением поглядел на Вадима, потом снова на Антона и попятился. Антон досадливым движением поправил за пазухой тяжёлый скорчер и снова повернулся к раненому. Раненый стоял, закрыв лицо руками. И все люди слева и

справа от Антона стояли, закрыв лица руками, кроме того, мёртвого, с серым лицом, который по–прежнему держался за живот.

— Ничего, ничего, — сказал Антон ласково. — Опустите руки, не бойтесь. Всё будет хорошо…

Но в эту же минуту высокий жалобный голос что–то прокричал, и все люди в мешковине разом повернулись направо. Люди в шубах трусцой побежали вдоль шеренги. Снова прокричал жалобный голос, и колонна двинулась.

— Стойте! — крикнул Антон. — Не сходите с ума!

Никто даже не обернулся. Колонна проходила, и все, кто проходил мимо Антона, закрывали лица руками. Только человек с распоротым животом остался стоять, потом кто–то задел его, и он мягко свалился в снег. Колонна ушла.

Антон растерянно провёл мокрой ладонью по глазам и огляделся. Он увидел громадный поваленный танк, длинного чёрного Саула рядом, Вадима, дико глядевшего вслед колонне, да несколько десятков тел на растоптанном снегу. И стало совсем уже тихо, слышались только редкие жалобные крики в отдалении.

— Почему? — спросил Вадим. — Чего они испугались?

— Они испугались нас, — сказал Антон. — А скорее всего они испугались нашей медицины…

— Я догоню и постараюсь объяснить…

— Ни в коем случае. Это надо делать очень деликатно. Как ваше мнение, Саул?

Саул, повернувшись спиной к ветру, раскуривал трубку.

— Моё мнение… — проговорил он. — Мне здесь очень не нравится…

— Да, — подхватил Вадим. — Какое–то ужасное, болезненное неблагополучие…

— Почему обязательно неблагополучие? — сказал Саул. — Вот как, по–вашему, кто эти подлецы в шубах?

— Почему обязательно подлецы?

— А кто они по–вашему?

Вадим молчал.

— Здоровенные, упитанные парни в шубах, — сказал Саул со странным выражением. — Они приказывают людям кидаться под танк. Они не работают, а только смотрят, как работают. Они фигурно торчат на валу с пиками наготове. Кто, по–вашему, эти парни?

Вадим молчал.

— Вот подумайте, — сказал Саул. — Здесь есть о чём подумать…

Антон сказал, глядя на небо:

— Смеркается. Давайте осмотрим машину, раз уж мы здесь. Всё равно этим придётся заняться рано или поздно…

— Пойдёмте, — сказал Саул.

Антон аккуратно закрыл мешок с медикаментами, и они пошли к танку. Вадим не двинулся. Он угрюмо смотрел на склон, по которому медленно полз чёрный пунктир — хвост уходящей через вал колонны.

Овальный панцирь танка был раскрыт. Корпус машины разгораживала перепончатая стенка. Антон включил фонарик, и они стали осматривать гофрированные борта кабины, матовые сочленения двигателя, какие–то кривые зеркала на коленчатых шестах, похожих на бамбук, и дно кабины — чашевидное, покрытое множеством маленьких отверстий, похожее на гигантскую шумовку.

— Да–а, — протянул Саул. — Любопытная машина. Где же управление?

— Возможно, это кибер, — рассеянно сказал Антон. — Впрочем нет, вряд ли… Слишком много пустого места…

Он забрался в двигатель. Это был довольно примитивный квазиживой механизм с высоко-

частотным питанием.

— Мощная машина, — с уважением сказал Саул. — Только вот как она управляется?

Они снова вернулись к кабине.

— Дырочки какие–то, — бормотал Саул. — Где же здесь руль?

Антон попробовал просунуть в одно из отверстий указательный палец. Палец не влезал. Тогда Антон сунул мизинец. Он ощутил короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что–то с рычанием провернулось.

— Ну вот, и всё ясно, — сказал Антон, рассматривая мизинец.

— Что ясно?

— Мы не сможем управлять этой машиной… И они тоже не смогут.

— А кто сможет?

— Боюсь утверждать наверняка, но, по–видимому, это из хозяйства Странников. Видите?.. Это машины не для гуманоидов.

— Что вы говорите? — пробормотал Саул.

Некоторое время они молча стояли перед кабиной, пытаясь представить себе существо, которое чувствовало себя в этой шумовке так же удобно, как они сами в водительских креслах перед пультами и экранами.

— Я почему–то так и думал, — объявил Саул. — Слишком это парадоксально — джутовые мешки и нуль–транспортировка…

— Вадим, — позвал Антон.

— Что? — мрачно донеслось сверху. Вадим стоял на танке.

— Слышал?

— Слышал. Тем хуже для них… — Вадим тяжело спрыгнул в снег. — Пора возвращаться, — сказал он. — Темнеет.

Они взвалили на плечи мешки и стали подниматься на вал.

Какая каша, думал Антон. Машины, оставленные негуманоидами. Гуманоиды, потерявшие человеческий облик, отчаянно старающиеся разобраться в этих машинах. Ведь они, несомненно, пытаются в них разобраться. Наверное, для них это единственное спасение… И у них, конечно, ничего не выходит… И ещё какие–то странные люди в шубах…

— Саул, — сказал он. — Что такое пики?

— Копья, — сказал Саул кряхтя.

— Копья…

— Длинный деревянный шест, — раздражённо сказал Саул. — На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется

для протыкания насквозь ближнего своего. — Саул помолчал, тяжело дыша. — Может быть, вам заодно объяснить, что такое меч?

— Знаем мы, что такое меч, — сказал Вадим, не оборачиваясь. Он лез первым.

— Так вот, у каждого из этих бандитов в шубах висел за спиной меч, — сказал Саул. — Слушайте, молодые люди, давайте передохнём…

Они уселись на мешки.

— Вы много курите, — сказал Антон. — Это очень вредно.

— Курить — здоровью вредить, — отозвался Саул.

Стало совсем темно. Котлован внизу наполнился сумеречными тенями. Небо очистилось от туч, появились звёзды. Слева таяло зеленоватое сияние заката. У Антона замёрзли уши, и он с содроганием подумал о несчастных, бредущих сейчас босиком по скрипучему снегу. А куда они бредут? Может быть, здесь поблизости есть какое–нибудь убежище? А ведь ещё только вчера мы с Димкой сидели на крыльце, было тепло, изумительным запахом несло из сада, кричали цикады, и дядя Саша звал нас из своего коттеджа отведать самодельного морса… Почему это Саул настроен против людей в мехах?

Саул со вздохом поднялся и сказал:

— Пошли.

Они ввалились в глайдер, задвинули фонарь, и Вадим сейчас же на полную мощность включил отопление. Антон расстегнул куртку, вытащил тёплый скорчер и бросил его на сиденье рядом с Саулом. Саул сердито дышал в пригоршню. На мохнатых бровях его таял иней.

— Итак, Вадим, — сказал он, — что вы надумали?

Вадим сел в водительское кресло.

— Думать будем потом, — заявил он. — Сейчас надо действовать. Люди нуждаются в помощи и…

— Почему вы, собственно, решили, что люди нуждаются в помощи?

— Вы, надеюсь, не шутите? — спросил Вадим.

— Мне не до шуток, — сказал Саул. — Я удивляюсь, почему вы не хотите попытаться понять, что здесь происходит. Почему вы всё время твердите одно и то же: «нуждаются в помощи, нуждаются в помощи»?

— А как по–вашему? Не нуждаются?

Саул вскочил, стукнулся головой о фонарь и снова сел. Несколько секунд он молчал.

— Я снова обращаю ваше внимание, — сказал

он наконец, — на то чрезвычайно важное обстоятельство, что там, в котловане, вовсе не все люди нуждались в одежде и прочем. Что там, в котловане, мы видели людей здоровых, сытых, вооружённых. И для этих людей положение не представляется таким уж безнадёжным, как для вас. Вы хотите помочь страждущим. Это великолепно. Возлюби, так сказать, дальнего. Но не кажется ли вам, что этим самым вы вступите в конфликт с некоторым установленным порядком? — Он замолчал, пристально глядя на Антона.

— Не кажется, — сказал Вадим. — Я не хочу думать о людях хуже, чем о самом себе. У меня нет никаких оснований считать себя лучше других. Да, там в котловане есть неравенство. И меховые шубы выглядят дико. Но я совершенно уверен, что всему этому есть вполне человеческое объяснение. И помощь землян никогда не будет вредной. — Он перевёл дух. — А что касается пик и мечей, то ведь кто–то должен охранять потерпевших? Надеюсь, вы не забыли приятных птичек на равнине?

Антон задумчиво покивал. Как это было на «Цветке», подумал он. Мы две недели сидели на половинном кислородном пайке и ничего не ели

и не пили. Инженеры чинили синтезаторы, и мы отдали им всё, что у нас было. И вид у нас в конце второй недели был, наверное, не лучше, чем у этих людей…

Саул нагнул голову и с тоской хрустнул пальцами.

— Плоскость, плоскость, — бормотал он. — Всё в одной плоскости, как всегда. Как тысячи лет назад.

Ребята молча ждали.

— Вы славные люди, — тихо сказал Саул. — Но сейчас я не знаю, плакать или радоваться, глядя на вас. Вы не замечаете того, что совершенно очевидно для меня. И я не могу вас винить за это. Но послушайте одну маленькую притчу. В незапамятные времена какие–то пришельцы — возможно, это были ваши Странники — забыли на Земле такой автоматический прибор. Он состоял из двух частей: из робота–автомата и из прибора для управления этим роботом на расстоянии. Причём управлять роботом можно было при помощи мысли. Эти вещи провалялись в Аравии несколько тысячелетий. А потом аппарат для управления нашёл арабский мальчик по имени Аладдин. Историю Аладдина вы, наверное, знаете. Мальчишка принял аппарат за лампу. Он тёр

её, и со страшным грохотом прибегал неведомо откуда чёрный и, может быть, даже огнедышащий робот. Он улавливал несложные мысли, в которые были оформлены несложные желания Аладдина, и он разрушал города и строил дворцы. Вы представляете себе — нищий, грязный, невежественный арабский мальчишка. Его мир — это мир ифритов и волшебников, и робот для него — это, конечно, джинн, раб аппарата, похожего на лампу. Если бы кто–нибудь попытался втолковать ему, что джинн — дело рук человеческих, мальчишка сражался бы до последнего издыхания, отстаивая свой мир, стремясь остаться в плоскости своих представлений. И вы поступаете так же. Отстаиваете целостность своего мировоззрения, стремитесь отстоять достоинство разума. И никак не хотите понять, что здесь мы имеем дело не с катастрофой, не с каким–то стихийным или техническим бедствием, а с определённым порядком вещей. С системой, молодые люди. И это так естественно. Всего два с половиной века назад половина человечества была уверена, что чёрного кобеля не отмоешь добела, и что человек как зверем был, так так зверем и останется, и было достаточно оснований думать именно так. — Он хрустнул зубами. — Не хочу, чтобы вы вме-

шивались в это дело. Вас здесь убьют. Вам нужно вернуться на Землю и забыть обо всём этом. — Он посмотрел на Антона. — А я останусь здесь.

— Зачем? — спросил Антон.

— Мне нужно, — медленно сказал Саул. — Я сделал одну глупость. За глупости платят.

Антон лихорадочно думал: что сказать этому странному человеку?

— Вы, конечно, можете остаться, — сказал он наконец, — но дело не в вас. Не только в вас. Мы тоже останемся. И давайте–ка пока держаться вместе.

— Вас убьют, — безнадёжно сказал Саул. — Ведь вы же не умеете стрелять в людей.

Вадим хлопнул себя по коленям и сказал прочувствованно:

— Мы же вас понимаем, Саул! Но в вас говорит историк, и вы тоже не можете выйти из плоскости своих представлений. Никто нас не убьёт. Давайте попроще. Не нужны нам никакие остроумные осложнения. Мы люди, и давайте действовать как люди.

— Давайте, — устало сказал Саул. — И давайте поедим. Неизвестно, что будет дальше.

Антону не хотелось есть, но ещё меньше ему хотелось спорить. И Саул был, наверное, прав, и

Вадим был прав, и, как всегда, была права Комиссия по контактам, и вообще сейчас больше всего нужна была информация.

Вадим неохотно ковырял ложкой в банке с консервами. Саул ел с громадным аппетитом, невнятно приговаривая:

— Ешьте, ешьте. Основа каждого мероприятия — сытый желудок.

Антон обдумывал план действий. Стихийное бедствие, или социальное бедствие — всё равно это бедствие. И вмешательство неизбежно. Только не следует оголтело, без оглядки, кидаться домой, на Землю, с воплем «Помогите!» — или так же оголтело вламываться в гущу событий, размахивая одиноким мешком с продовольствием… Саула жалко, но Саула пока придётся отставить. Так что прежде всего информация… Антон сказал:

— Сейчас мы полетим по следам колонны. Думаю, что поблизости у них есть посёлок.

Саул убеждённо покивал.

— Найдём кого–нибудь посмышленей, — продолжал Антон, — и ты, Димка, у него всё узнаешь. А там видно будет.

— Возьмём «языка», — сказал Саул, облизывая ложку, — правильно.

Несколько секунд Антон пытался понять: при чём здесь язык? Потом вспомнил из какой–то книжки: «Идите, лейтенант, и без „языка“ не возвращайтесь». Он покачал головой.

— Да нет, Саул, при чём тут «язык»? Всё должно быть тихо, мирно. На всякий случай вы держитесь лучше позади. Оставайтесь в глайдере. Вы никогда не были в опасных ситуациях, и я просто боюсь, что вы растеряетесь.

Несколько секунд Саул смотрел на него запавшими глазами.

— Да, конечно, — медленно сказал он. — Книжный, так сказать, червь.

Была уже ночь, когда глайдер снялся с места, перепрыгнул через котлован и помчался вдоль утоптанной дороги, ведущей на восток. Над равниной поднималась маленькая, яркая луна, а на западе над хребтом висел багровый узкий серп. Дорога свернула, огибая высокий холм, и они увидели несколько рядов занесённых снегом хижин.

— Здесь, — сказал Антон. — Снижайся, Вадим.

5

Вадим посадил глайдер на первой же улице. Он откинул фонарь и в кабину ворвался гадкий запах — вонь испражнений на морозе, тоскливый запах большой беды. По сторонам улицы стояли покосившиеся обшарпанные лачуги без окон, в лунном свете серебрились шапки чистого снега на плоских крышах и отвратительно чернели сугробы у входов. Улица была пуста, и можно было подумать, что посёлок покинут, но тишина была полна хрипами, вздохами и заглушённым треском сухого кашля.

Вадим медленно повёл глайдер вдоль улицы. Вонючий мороз обжигал лицо. Ни на улице, ни в тёмных боковых переулках не было видно ни души.

— Измотались, — сказал Вадим. — Спят. Придётся будить. — Он снова остановил глайдер. — Вы здесь подождите, а я схожу посмотрю.

— Ну хорошо, пойдём, — сказал Антон.

— Незачем ходить вдвоём, — возразил Вадим, выскакивая на дорогу. — Я только посмотрю, и сейчас же вернусь. Если здесь ничего не получит-

ся, пойдём дальше.

Антон сказал:

— Саул, посидите здесь. Мы сейчас вернёмся.

— Не поднимайте шума, — предупредил Саул.

Вадим нерешительно остановился перед узкой загаженной тропинкой, ведущей к двери ближайшей лачуги. Страшно и гадко было идти туда. Он оглянулся. Антон уже стоял рядом.

— Ну, что ты? — сказал он. — Вперёд.

Вадим решительно шагнул на тропинку, поскользнулся, и чуть не упал. Его затошнило, и он зашагал, подняв голову, чтобы не видеть тропинки. Дверь с визгливым скрипом открылась ему навстречу, и из неё выпал совершенно голый, длинный, как палка, человек. Он повалился на обледенелый сугроб и мёртво стукнулся о стену хижины. Вадим нагнулся над ним. Это был мертвец, уже давно закоченевший. Сколько же их я увидел за сегодняшний день, — подумал Вадим. В хижине кашляли, и вдруг высокий скрипучий голос затянул песню. Это было похоже на вой. Голос выводил одни только тоскливые рулады без слов. А может быть, это был просто плач.

Вадим снова оглянулся. На дороге чернела округлая глыба глайдера, из неё неподвижно торчал чёрный силуэт Саула. Жутко блестел под

яркой луной снег на пустынной улице. И протяжно плакал и жаловался высокий голос за дверью. Антон тихонько толкнул Вадима в бок.

— Что, страшно? — спросил он вполголоса. Лицо у него было белое, словно замёрзшее.

Вадим не ответил. Он распахнул дверь и включил фонарик. Скверный душный воздух ударил ему в нос и он задохнулся. Круг света упал на сырой земляной пол, покрытый бледной вытоптанной травой. Вадим увидел десятки скорченных тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искажённые резкими тенями, раскрытые чёрные рты — люди спали прямо на земле и друг на друге. Казалось, они лежали штабелями в несколько рядов, и они дрожали во сне. А вой тянулся без передышки, не прекращаясь, и Вадим не сразу заметил певца, а потом поймал его в круг света. Человек, обхватив острые колени, сидел на спинах спящих. Он глядел на свет фонарика остекленевшими глазами и пел, вытягивая растрескавшиеся губы.

— Товарищ, — сказал Вадим. — Послушай меня. Погоди петь. Скажи что–нибудь.

Человек не шевелился. Казалось, он не видит света и не слышит голоса.

— Товарищ, — повторил Вадим. — Послушай.

Певец вдруг закончил песню сиплым выкриком, повалился навзничь и замер. Он сразу же смешался со спящими, и Вадим уже не смог бы найти его. Он судорожно глотнул, сделал шаг вперёд и похлопал кого–то по голой ноге. Нога была ледяная, мёртвая. Вадим дотронулся до другой ноги. И эта нога тоже была ледяная, мёртвая. Тогда он повернулся и, пошатнувшись, налетел на что–то широкое, тёплое.

— Тихо, — сказал голос Антона.

Вадим мотнул головой, приходя в себя. Он совсем забыл про Антона.

— Не могу, — пробормотал он. — Это безнадёжно.

Антон взял его за локоть и повёл к выходу. Морозный воздух показался Вадиму чистым и сладким.

— Не могу, — повторил он. — Здесь не найти живых. Они все окоченевшие. Мёртвые. — Он отстранился от Антона и осторожно пошёл по тропинке к дороге. Саул по–прежнему неподвижно торчал из глайдера. Вадим заметил, что фонарик ещё горит, выключил его, сунул в карман и полез в глайдер. Саул молча смотрел на него. Подошёл Антон, облокотился на борт и тоже стал смотреть

на Вадима. Вадим уткнулся лицом в дугу руля и сказал сквозь зубы: — Это не люди. Люди не могут так. — Он вдруг поднял голову. — Это киберы! Люди только те, которые в шубах! А это киберы, безобразно похожие на людей!

Саул глубоко вздохнул.

— Вряд ли, Вадим, — сказал он. — Это люди, безобразно похожие на киберов.

Антон перелез через борт и сел на своё место.

— Ну–ка, возьмём себя в руки, — сказал он. — Не будем терять времени. Нужен «язык». — Он хлопнул Вадима по плечу. — Действуйте, лейтенант, и без «языка» не возвращайтесь.

Саул не то всхлипнул, не то рассмеялся.

— Хотите, я пойду в хижину, и возьму любого на выбор, — предложил он. — Только, по–моему, нам не это нужно.

— Тогда они днём работают, а на ночь умирают, — упрямо сказал Вадим. — Какая уродливая затея!

— Правильно, — сказал Саул. — Затея уродливая, и надо взять одного из затейников. В шубах.

Вадим смотрел вдоль улицы.

— Оптимизм, — сказал он, — суть бодрое жизнерадостное мироощущение, при котором человек…

В лунном свете он вдруг увидел, как вдали, пересекая улицу, цепочкой прошли несколько серых теней в рубахах.

— Смотрите, — сказал он.

Люди брели и брели через улицу, их было человек двадцать, а за ними прошли двое в мехах с длинными шестами.

— На ловца и зверь бежит, — зловеще сказал Саул. — Всего и дела–то — догнать их и взять…

— Вы думаете, этих? — нерешительно сказал Антон.

— А вы собираетесь обшаривать лачугу за лачугой? Затейники в лачугах не живут, уверяю вас. Поехали, а то ещё потеряем…

Вадим вздохнул и тронул глайдер. Он медленно ехал вдоль улицы и пытался представить себе, как они берут испуганного, ничего не понимающего человека под руки, тащат его к глайдеру и впихивают в кабину, а он жалобно кричит и отбивается… Попробовали бы меня так, подумал он. Я бы всё разнёс… Он прислушался. Саул говорил:

— Не беспокойтесь. Я знаю, как это делается. У меня он не будет отбиваться.

— Вы меня неправильно поняли, — терпеливо сказал Антон. — Ни о каком насилии не может быть и речи.

— Слушайте, предоставьте это всё мне. Вы ведь только всё испортите. Ткнут вас копьём, и начнётся такая кровавая кутерьма…

«Ай да кабинетный учёный!» — подумал удивлённо Вадим. Антон сказал:

— Вот что, Саул. Вы мне не нравитесь. Сидите спокойно в машине и не смейте ничего предпринимать.

— О господи, — вздохнул Саул и замолчал.

Вадим вывернул на поперечную улицу, и они увидели вдали приятного вида двухэтажный домик, возле которого толпились люди, освещённые красным огнём факелов. Сбившись в кучу, стояли люди в мешковине, а вокруг них сновали люди в шубах. Вадим поехал совсем медленно, прижимая глайдер к теневой стороне улицы. Он представления не имел, с чего начинать и что делать. Антон, судя по всему, тоже. Во всяком случае, он молчал.

— Вот здесь живут затейники, — сказал Саул. — Видите, какой уютный, тёплый домик? А где-нибудь поблизости и уборная есть. Самое милое дело — брать «языка» возле уборной. Кстати, вы заметили, что здесь нет ни одной женщины?

Дверь домика раскрылась, оттуда вышли двое и остановились на крыльце. Раздался протяж-

ный жалобный крик. Кучка людей в мешковине пришла в движение, построилась, и вдруг двинулась прямо навстречу глайдеру. Около крыльца закричали в несколько голосов. Вадим поспешно затормозил и посадил глайдер.

Он глядел во все глаза и ничего не понимал. Над ухом тяжело дышал Антон. Люди в мешковине приблизились и быстрым шагом прошли мимо. Вадим ахнул. Два десятка босых людей были впряжены в тяжёлые неуклюжие сани, в которых развалился закрытый по пояс шкурами человек в шубе и в меховой конической шапке. В руке он вертикально держал длинное копьё с устрашающе зазубренным наконечником. Лица запряжённых людей выражали радость, и они громко, ликующе вскрикивали. Вадим оглянулся на Саула. Саул провожал глазами странную упряжку, и рот его был широко раскрыт.

— Хватит с меня загадок, — сказал вдруг Антон. — Поезжай прямо к дому.

Вадим рванул руль на себя и домик стремительно бросился навстречу глайдеру. Люди в шубах, стоящие у крыльца, несколько секунд смотрели на приближающуюся машину, а потом с удивительной быстротой рассыпались полукругом и выставили вперёд копья. На крыльце

запрыгал, что–то жалобно выкрикивая, круглый мохнатый великан. Он размахивал над головой широким блестящим лезвием. Вадим посадил глайдер перед копьями и вылез из кабины. Люди в шубах пятились, теснее прижимаясь друг к другу. Острия копий были направлены прямо Вадиму в грудь.

— Мир! — сказал Вадим и поднял руки.

Люди в шубах попятились ещё немного. От них валил пар и несло козлом. Под капюшонами блестели испуганно вытаращенные глаза и ощеренные зубы. Толстый человек на крыльце разразился длинной речью. Он был неимоверно толст и огромен. У него была гигантская трясущаяся физиономия. Физиономия блестела от пота. Он приседал, и снова выпрямлялся, и даже становился на цыпочки, тыкал мечом то себе под ноги, то в небо и визжал неестественно высоком жалобным женским голосом. Вадим слушал, склонив голову. Мнемокристаллы на его висках фиксировали незнакомые слова и интонации, анализировали их, и уже давали первые, ещё неопределённые варианты перевода. Речь шла о какой–то угрозе, о чём–то громадном и сильном, о жестоких наказаниях… Толстяк вдруг замолчал, вытер потное лицо рукавом и, надсаживаясь,

прокричал что–то короткое и резкое. В голосе его было страдание. Люди с копьями сейчас же нагнулись и очень медленно двинулись на Вадима.

— Ну, всё ясно, — сказал Саул. — Начнём?

Он положил ствол скорчера на борт.

— Прекратите, Саул, — сказал Антон. — Вадим, в кабину!

— Ну, что вы раздумываете? — сказал Саул со злобой. — Это же дрянь, эсэсовцы! Жабы!

Люди в шубах всё надвигались короткими медленными шажками. Когда широкие блестящие лезвия упёрлись в грудь Вадима, он отступил и, повернувшись спиной, полез в глайдер.

— Типичный корнеизолирующий язык, — сообщил он, усаживаясь. — Очень ограниченный словарный запас, судя по всему. Мира они не хотят, это ясно.

— Давайте хоть страху нагоним, — попросил Саул. — Дать разок в воздух, чтобы они штаны потеряли!

Антон захлопнул фонарь. Люди в шубах вернулись к крыльцу и подняли копья. Все они смотрели на глайдер. На необъятной физиономии толстяка бродила презрительная ухмылка.

— Эх, вы! — сказал Саул. — Нужен вам «язык», или нет? Давайте возьмём этого жирного! Это же

живой рапортфюрер!

— Да поймите же, — с отчаянием сказал Антон, — они не хотят с нами договариваться! И это их право! Ну, что мы можем сделать?

— Нужен вам «язык» или нет? — повторил Саул. — Преимущество внезапности мы уже потеряли. Здесь без боя не обойтись. Но есть ещё этот гад, который уехал на упряжке.

Ох, и лексика же у него! — с уважением подумал Вадим. Настоящий двадцатый век. Какой великолепный специалист! Он посмотрел на Антона. Антон был бледен и растерян. Никогда Вадим ещё не видел его таким.

— Одно из двух, — продолжал Саул. — Или мы хотим узнать, что здесь делается, или мы летим на Землю, и пусть сюда пришлют людей порешительнее. А нам надо решать поскорее, пока против нас только копья…

Мешкаем, подумал Вадим. Всё время мешкаем. А в хижинах умирают.

— Тошка, — сказал он. — Давай догоним упряжку. Там только один с копьём, там будет проще. Отберём у него копьё и пригласим на «Корабль».

— Ухмыляются, жабы, — проговорил Саул, глядя через спектролит.

Он выразительно погрозил кулаком толстяку

на крыльце. Тот тряхнул щеками и не менее выразительно помахал мечом.

— Видали? — сказал Саул с весёлым бешенством. — Как мы друг друга понимаем, а?

— Попробую ещё раз, — сказал Антон и распахнул фонарь. Толстяк вскрикнул. Один из копейщиков широко развернулся, сдвигая рукав шубы к плечу, и с натугой метнул тяжёлое копьё. Железный наконечник с визгом полоснул по спектролиту. Саул даже присел.

— Ну, семь–восемь… — сказал он непонятно, но чрезвычайно энергично. Антон успел поймать его за руку. Глаза у Антона были как чёрные щёлки.

— Понятно, — сказал он зловеще, и задохнулся. — Вадим, разворачивайся!

Вадим повернул глайдер.

— За упряжкой! — приказал Антон и откинулся на спинку кресла. — Здесь мы ничего не узнаем, — проворчал он. — Какая–то непроходимая тупость.

— Дать разок в воздух, — пренебрежительно сказал Саул, — и бери их голыми руками.

Антон молчал. Глайдер пронёсся по пустынной улице и через несколько минут вылетел в поле.

— Я скажу вам только одно, — проговорил вдруг

Антон. — Всем нам потом будет очень стыдно.

— А что делать? — спросил Вадим. — Люди–то умирают!

— Если бы я знал, что делать, — сказал Антон. — Комиссии и не снились такие обстоятельства.

«Какой комиссии?» — хотел спросить Вадим, но тут Саул произнёс:

— Да перестаньте вы стесняться. Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть активнее, чем зло, иначе всё остановится.

— Добро, добро, — проворчал Антон. — Кому хочется быть услужливым дураком?

— Это уж точно, — сказал Саул. — Зато у вас совесть будет спокойна.

Они нагнали упряжку километрах в пяти от посёлка. Люди бежали по целине, спотыкаясь и увязая в снегу, а человек в шубе, нахохлившийся в санях, то и дело лениво тыкал копьём отстающих.

— Я снижаюсь, — сказал Вадим.

— Сядь перед упряжкой, — приказал Антон, — и поговори с ним. Саул, дайте сюда скорчер. И сидите в машине. Это не гад, а человек.

— Ладно, — сказал Саул. — Вот вам скорчер. А если он возьмёт и Вадима копьём? Вместо раз-

говоров…

Вадим сказал:

— Копьё я у него отберу. Постромки надо будет перерезать, а еду и одежду раздать этим беднягам.

— Правильно, — сказал Антон.

Глайдер рухнул в снег прямо перед упряжкой, и люди–лошади остановились как вкопанные. Вадим выскочил наружу. Люди в мешковине стояли, закрыв лица руками. Они тяжело, со всхлипом дышали. Пробегая мимо них, Вадим весело крикнул:

— Всё, друзья! Сейчас пойдёте домой!

Он направился к саням, на ходу примериваясь, как лучше отбить копьё. Человек в шубе стоял на коленях и с изумлением и страхом смотрел на него. Копьё он держал наперевес.

— Пойдёмте, — предложил Вадим и схватился за древко.

Человек в шубе сейчас же выпустил копьё и выхватил откуда–то меч. Он был уже на ногах.

— Ну–ну, не надо, — сказал Вадим, отбрасывая копьё.

Человек в шубе вдруг заорал, протяжно и жалобно. Вадим взял его за руку, держащую меч, и потянул за собой. Ему было очень неловко.

Человек в шубе рванулся. Вадим ухватил его покрепче.

— Ну что вы, в самом деле, всё будет хорошо. Всё будет в порядке, — убеждающе говорил он, разжимая потный кулак с мечом. Меч упал в снег. Вадим обнял человека в шубе за плечи и повёл его к глайдеру. Он бормотал какие–то ласковые слова, стараясь придать голосу местные интонации. Тут раздался предупреждающий крик Саула, и он почувствовал, что его валят с ног. Чьи–то ладони схватили его за лицо, кто–то повис на шее, несколько рук вцепились в его ноги — слабые, дрожащие руки.

— Что вы, с ума посходили? — заорал Саул обиженно. — Антон, держи их!

Человек в шубе снова сильно рванулся. Вадиму накинули на голову какое–то вонючее тряпьё, и он ничего не видел. Он едва стоял в куче копошащихся тел, изо всех сил прижимая к себе человека в шубе. Потом он почувствовал острый удар в бок и боль. Он выпустил «языка», двинул плечами и, освободившись, сорвал с лица вонючий мешок. Он увидел барахтающихся в снегу людей и Антона, который пробирался к нему, шагая через тела. Он повернулся. Голый человек с мечом стоял перед ним по колено в снегу.

— За что? — сказал Вадим.

Человек ударил наотмашь, но меч в его руке повернулся и упал на плечо Вадима плашмя. Вадим толкнул человека в грудь. Тот упал в снег и замер. Вадим поднял меч и, размахнувшись, забросил его далеко в сторону. Он чувствовал, как по бедру ползёт что–то горячее и мокрое. Он огляделся.

Люди в снегу лежали неподвижно, как мёртвые. Человека в шубе среди них не было.

— Ты жив? — крикнул Антон, задыхаясь.

— Вполне, — сказал Вадим. — А где «язык»?

Он увидел Саула. Саул, широко шагая, шёл к ним, волоча за шиворот человека в шубе.

— Вздумал удрать, — объявил он. — Но каковы людишки!

— Пойдёмте отсюда, — сказал Антон.

Они пошли к глайдеру, осторожно ступая среди неподвижных тел. Саул рывком поднял человека в шубе на ноги и повёл, толкая его рукой между лопаток.

— Иди, подлец! — приговаривал он. — Иди, жирная морда! Воняет от него ужасно, — сообщил он. — Год, наверное, не мылся.

Когда они подошли к глайдеру, Антон взял «языка» за меховое плечо и показал на кабину. Тот отчаянно закрутил головой, так что у него

свалилась шапка. Потом он сел в снег.

— Цацкаться тут с тобой! — заорал Саул.

Он поднял «языка» за шубу и перевалил через борт. «Язык» с шумом упал на дно кабины и затих.

— Фу, — сказал Антон, — ну и работа!

Он взял два мешка, стоявшие возле глайдера, и потащил их к упряжке. Он распаковал мешки, достал всю одежду и разложил на снегу. То же самое он сделал с продуктами. Люди казались мёртвыми, и только тихонько поджимали ноги, когда Антон проходил мимо.

Вадим стоял, устало прислонившись к тёплому борту машины, и смотрел на взрытый снег, на опрокинутые сани, на тела, скорчившиеся под лунным светом. Он слышал, как Антон грустно сказал:

— Комиссия по контактам, где ты?

Вадим потрогал бок. Кровь ещё шла. Он почувствовал дурноту и слабость и забрался в кабину. Всё было не так, всё получилось нехорошо. Пленник лежал ничком, закрыв голову руками. Судя по всему, он ждал смерти, а может быть, и пыток. Над ним, не сводя с него глаз, сидел свирепый Саул. Подошёл Антон и тоже влез в кабину.

— Что же ты? — спросил он.

Вадим с трудом проговорил:

— Ты знаешь, Тошка, меня ранили. Я сейчас ничего не могу.

Антон секунду смотрел на него.

— А ну–ка, раздевайся, — потребовал он.

— Эх! — с досадой крякнул Саул.

Вадим стащил куртку. Его мутило, и в глазах было темно. Он увидел сосредоточенное лицо Антона и лицо Саула, сморщенное от жалости. Потом он почувствовал прохладные пальцы у себя на боку.

— Ножом, — сказал Саул. Голос его доносился словно из–за стены. — Как вы всё это неумело! Я бы его одной рукой взял!

— Это не он, — пробормотал Вадим. — Это мечом… Один голый…

— Голый? — сказал Саул. — Ну, товарищи, этого даже я не понимаю.

Антон что–то ответил, но тут перед глазами Вадима поплыли круги и звёздочки, и он потерял сознание.

6

— Смотрите, Антон, — заговорил Саул. — Антон! Он в обмороке, вы видите?

— Он спит, — сказал Антон. Он внимательно осматривал рану. Рана была рубленая и довольно глубокая. Удар пришёлся под ребро и меч расслоил мышцы. Антон облегчённо вздохнул. Саул глядел через его плечо, встревоженно сопя.

— Плохо? — спросил он шёпотом.

— Нет, вздор, — сказал Антон. — Через час всё будет в порядке. Он отстранил Саула. — Только вы сядьте, пожалуйста.

Саул откинулся в кресле и злобно уставился на неподвижного «языка». Антон неторопливо расстегнул мешок, вытащил банку с коллоидом и густо залил рану. Оранжевое желе сразу стало розовым, подёрнулось розовыми стрелочками — как пенка на молоке. Вот кровь, подумал Антон. Здоровенный парень Димка! Он посмотрел на лицо Вадима. Оно было немного бледнее обычного, но такое же спокойное и умиротворённое как всегда, когда он спал. И дышал он, как всегда, носом — глубоко, бесшумно и просторно. Антон

положил пальцы по сторонам раны и закрыл глаза.

Простейшие приёмы психохирургии входили в подготовку звездолётчика. Практически каждый пилот умел вскрыть и срастить живую ткань, используя психодинамический резонанс. Это требовало большого напряжения и сосредоточенности. В стационарных условиях применялись нейрогенераторы, а в поле приходилось делать это по–знахарски, и каждый раз Антон жалел знахарей. Словно сквозь сон Антон слышал, как позади тяжело вздыхает и ворочается Саул, и бормочет, всхлипывая, пленник. От пленника в кабине стоял неприятный кислый дух.

Антон открыл глаза. Рана затянулась, выдавив коллоид, — теперь это был просто розовый шрам. Пожалуй, хватит, подумал Антон. Иначе не смогу вести глайдер. Он был весь мокрый.

— Ну, вот и всё, — сказал он, переводя дыхание.

Саул приподнялся и посмотрел на рану.

— Чёрт знает что, — проворчал он. — Как вы это делаете?

Антон огляделся и вздрогнул. Снаружи к фонарю прильнули страшные лица, тощие, с ввалившимися щеками, оскаленные. В этом была

какая–то древняя исконная жуть: словно мертвецы заглядывали в твой дом. У Антона мороз пошёл по коже. Саул сдвинул мохнатые брови и погрозил пальцем. По спектролиту бесшумно застучали костлявые кулаки.

— Домой идите! Домой! — громко сказал Саул.

Антон стал одевать Вадима.

— Сейчас полетим, — сказал он.

— Вы их всех поубиваете.

Антон покачал головой и перебрался на место водителя. Глайдер дрогнул и начал медленно подниматься. Лица за фонарём пропали. Длинная костлявая рука с обломанными ногтями скользнула по спектролиту и тоже пропала.

Развернув глайдер на пеленг «Корабля», Антон дал полный ход. Он спешил — была уже полночь.

— Что они в нём нашли, — пробормотал Саул. — Эсэсовец, животное, я сам видел, как он колол их пикой — подгонял.

Антон промолчал.

— О господи! — сказал Саул. — Сколько на нём всякой гадости. Так и ползают…

— Что ползает?

— Что–то вроде вшей. Надо сначала его вымыть и всё продезинфицировать…

Вот и ещё одно дело, подумал Антон. Саул, словно угадав его мысли, добавил:

— Ничего, я сам этим займусь. Только бы он не сдох с непривычки.

Антон вёл глайдер на максимальной скорости, держась метрах в ста над землёй. Маленькая яркая луна стояла почти в зените, красный серп давно зашёл, а навстречу из–за белого горизонта поднималась третья луна, розовая и сплющенная. Вадим пошевелился, громко зевнул и, пробормотав: «Ты меня залечил?» — снова заснул.

— Что он делает? — спросил Антон. Он устал, ему не хотелось оборачиваться.

— Кто?

— «Язык».

— Лежит. Воняет. Давненько не слыхал этого запаха…

Давненько, подумал Антон. Я вообще никогда не слыхал. И не хотел бы… Саул прав: зря мы ввязались в эту историю. Саул умница. Это действительно система. Культура рабовладения. Рабы и господа. Правда, я думал, что верные рабы встречаются только в плохих книжках… Верный раб — какая это гадость! Ну ладно, дело сделано, отступать поздно и глупо. По крайней мере мы всё узнаем наверняка. Да и не в этом суть… Если

бы даже я сразу понял, что здесь происходит, всё равно я не смог бы повернуться спиной… К котлована, где машины давят людей… К загаженному посёлку… Интересно, потерпит ли мировой совет существование планеты с рабовладельческим строем?

Он вдруг ощутил всю громадность проблемы. Никогда ещё не было такой альтернативы: вмешиваться или не вмешиваться в судьбу чужой планеты? Жители Леониды и Тагоры слишком далеки от людей. Психология леонидян до сих пор загадка и никто не скажет, какой там общественный строй… А гуманоиды Тагоры хотят от природы так мало, что вообще непонятно, как они доросли до создания своей техники… Но здесь, на Сауле, совсем другое дело. Нигде больше общественные отношения не принимают такой уродливой и в то же время, по–видимому, такой необходимой формы… Родной брат человечества — очень юный, очень незрелый и очень жестокий… И вдобавок ко всему эти дурацкие машины пришельцев…

Далеко впереди на голубой равнине показалась маленькая чёрная точка. Вот и «Корабль», подумал Антон. А возле, под снегом, мёртвые. Как странно, всего день прошёл, а я уже привык.

Точно всю жизнь ходил среди голых мертвецов в снегу. Легко привыкает человек. Психическая аккомодация. Странно. Может быть, дело в том, что они всё–таки чужие. Может быть, на Земле я сошёл бы от всего этого с ума. Нет, просто я отупел…

Снижая скорость, он сделал круг над «Кораблём». «Корабль» выглядел ободряюще — знакомый чёрный конус над голубыми холмами. И две резкие тени от него — короткая чёрная и длинная розоватая. Глайдер опустился перед входом. Снег смёрзся вокруг «Корабля» в сплошное ледяное поле. Антон похлопал Вадима по колену.

— Ну что, что, — сонно спросил Вадим.

— Подъём…

— А ну тебя…

— Вставай, Димка. Пойдём на «Корабль».

— Сейчас, — сказал Вадим и зачмокал. — Ещё минуточку…

— Пощекотать его? — деловито предложил Саул.

Вадим сразу открыл глаза и поднялся.

— Ага, это «Корабль»… Понимаю.

Они вылезли на твёрдый скользкий снег. От морозного воздуха захватило дух. Было слышно, как Вадим стучал зубами. Саул придерживал

«языка» за шиворот. Что думает сейчас этот бедняга? — подумал Антон.

— Вы поднимайтесь, — сказал Саул, — а я его прямо в душевую.

Они вошли в корабль, зарастили люк, и Антон, подталкивая Вадима, стал подниматься в кают–кампанию. Вадим, постукивая зубами, дремал. Внизу страшно заорал пленник. Вадим встрепенулся.

— Чего они там? — тревожно спросил он.

— Мыть повели, — объяснил Антон. — Он весь в паразитах.

Послышался голос Саула:

— Добром иди, небось не сдохнешь…

Дверь душевой хлопнула. Они вошли в кают–кампанию и разом повалились в кресла.

— Милый, добрый «Корабль», — сказал Вадим. — Как хорошо, как чисто…

Антон лежал с закрытыми глазами.

— Болит? — спросил он.

— Чешется…

— Значит, всё хорошо… Слушай, что тебе нужно для работы?

— Вычислитель, — сказал Вадим. — Половина памяти. Оба анализатора. Побольше кофе и какой–нибудь вкусной еды для «языка». Через два

часа он будет сидеть здесь за столом и беседовать с тобой о смысле жизни.

Снизу опять донёсся вопль, возня и шлёпанье босых ног.

— Куда? — взревел Саул. — На место… Дай сюда!

— Здорово он его моет, — сказал Вадим с уважением. — Наверное, мыло в глаз попало… А вот интонации у Саула не те. Весь этот рёв бедняга «язык» воспринимает как умоляющий лепет. Тон приказа вот, — Вадим, вытянув шею, жалобно и нестерпимо завизжал.

— Котёнку наступили на голову, — сказал Антон.

— Вот–вот!

— Ну ладно, рубку ты займёшь… Я всё принесу.

Вадим внимательно поглядел на него.

— А ведь ты, милый, выжат как лимон, — сказал он.

— Есть немножко… Рана у тебя не очень серьёзная, но я измотался. Знаешь, как это изматывает?

— Ложись спать, я справлюсь один. А Саул всё принесёт.

— Ладно, — сказал Антон. — Это моя забота. — Иди, — он махнул рукой. — Готовься.

Вадим поднялся.

— Советую всё–таки поспать, — он пошёл в рубку и вдруг остановился. — А взяли они одежду?

Сначала Антон не понял, а потом сказал:

— Честно говоря, не знаю… Не помню. Но они нами очень недовольны.

— Ох и каша, ну и каша, — сказал Вадим. — Ничего не понимаю. За что он меня ткнул мечом?

Он покачал головой и пошёл в рубку. Антон сейчас же задремал. Ему приснилось, что он пошёл на кухню, сварил очень много кофе, принёс кофейник и консервы в рубку, а Вадим был занят и огрызнулся, тогда он пошёл в свою каюту, сел за стол, чтобы подобрать программу обратного перелёта, но ему очень хотелось спать и всё время попадались старые программы от его прежних рейсов. Потом его разбудил Саул.

— Вот, — сказал Саул.

Перед Антоном стоял стройный светлолицый парень в трусах и тетраканэтиленовой куртке, черноволосый и испуганный.

— Хорош? — спросил Саул насмешливо.

Антон засмеялся.

— Красивая раса, — сказал он. — Здравствуй, младший брат.

Младший брат смотрел на него круглыми от

страха глазами. Ну до чего славный парнишка, — подумал Антон.

— А вот это было у него под шубой, — сказал Саул и положил на стол твёрдый пакет.

Пленник сделал движение к пакету.

— Н–но, — грозно сказал Саул. — Опять? Я тебя!

Пленник сьежился. По–видимому, интонации Саула он уже освоил хорошо. Антон взял пакет, осмотрел его и вскрыл. В конверте из отлично обработанной кожи лежали замысловато сложенный лист бумаги, какой–то чертёж и окровавленный кусок тампопластыря.

— Понимаете? — сказал Саул. — Это они ободрали с раненых.

Антон вспомнил изуродованных людей в шеренге и стиснул зубы.

— Это, наверное, донесение, — сказал он, помолчав. — О нашем появлении. Вадим! — позвал он.

Пленник вдруг заговорил. Он говорил быстро, ударяя себя ладонями по груди, на лице его были ужас и отчаяние, и это странно не вязалось с резкими, и даже как будто насмешливыми интонациями его голоса. В зал спустился Вадим и остановился позади пленника, прислушиваясь. Пленник замолчал и закрыл лицо руками.

— Посмотри–ка, Вадим, — сказал Антон, — про-

тягивая листок.

— О! — сказал Вадим. — Письмо! Это же просто прелесть! Вдвое меньше работы!

Он взял пленника за рукав и повёл в рубку, на ходу рассматривая листок. Пленник покорно плёлся за ним. Саул внимательно изучал чертёж.

— Я не специалист, — сказал он, — но по–моему, это точное изображение внутренности того танка. Помните, в котловане?

Он перебросил чертёж Антону. Чертёж был сделан синей краской, очень аккуратно, но на бумаге было много следов грязных пальцев. Это был план кабины–шумовки — по–видимому, очень точный план. Некоторые отверстия были отмечены грубо намалёванными крестиками, некоторые просто зачёркнуты. Антон зевнул и потёр глаза. Ну вот, вяло подумал он. Отличные чертежи делают рабовладельцы.

— Слушайте, капитан, — сказал Саул. — Идите спать. Всё равно, пока ваш лингвист не кончит, никому вы здесь не нужны.

— Вы думаете?

— Уверен.

Голос Вадима из рубки потребовал:

— Кофе и банку варенья.

— Сейчас, — крикнул Саул. — Идите, идите, Антон, — сказал он.

— Никуда я не пойду, — сказал Антон. — Я — здесь.

Он закрыл глаза и перестал сопротивляться. Он спал неспокойно, часто просыпаясь и открывая глаза. Он видел, как на цыпочках проходил Саул — в одной руке у него была пустая банка, в другой кофейник. В следующий раз Саул прошёл в рубку с заставленным подносом, и в кают–кампании запахло томатом. Потом Саул очутился за столом. Он задумчиво сосал пустую трубку и внимательно разглядывал Антона. Сверху из рубки доносились монотонные голоса. «Су–у… Му–у… Бу–у…» — говорил Вадим, и механический голос повторял: «Су–у… Му–у… Бу–у… Работать — ка–ро–су–у… Рабочий — ка–ро–бу… Стать рабочим — ка–ро–му–у…» Сон наплывал и уплывал снова. Голос Вадима непонятно вещал: «Блистающий… великий и могучий утёс… идай–хикари… тика–удо…», и визгливый голос пленника повторял: «Тико–о… удо–о…» Вадим кричал: «Саул! Кофе!». «Третий кофейник!» — недовольно бормотал Саул.

Потом Антон проснулся и почувствовал, что больше не хочет спать. Саула в зале не было.

Изрядно осипший голос Вадима старательно выговаривал наверху: «Соринака–бу… торунака–бу… сапонури–су…». Пленник что–то басовито ворковал в ответ. Антон взглянул на часы. Было три часа утра местного времени. Ай да структуральнейший, — подумал Антон с уважением. Его вдруг охватило нетерпение. Надо было кончать.

— Димка! — крикнул он. — Как дела?

— Проснулся? — сипло отозвался Вадим. — Мы тебя ждём. Сейчас спускаемся.

Из каюты высунулась голова Саула.

— Уже? — осведомился он. Из приоткрытой двери валил дым.

— Входите, Саул, — сказал Антон. — Сейчас начнём.

Саул сел в кресло и бросил на стол чертёж. Из рубки спустился пленник, его покачивало. Щёки у него были вымазаны вареньем. Не обращая ни на кого внимания, он остановился и стал смотреть вверх с выражением собачьей почтительности в глазах. Сверху уже спускался Вадим, держа в обнимку большой блестящий ящик — приставку–анализатор. Он подошёл к столу, поставил анализатор и рухнул в кресло. На лице у него было ликование.

— Я гений! — сообщил он сипло. — Я ум–ни–ца!

Великий и могучий утёс! Хикари–тико–удо!

При этих словах пленник перестал облизывать пальцы и сложил почтительно руки перед грудью.

— А? — вскричал Вадим, простирая к нему руку. Потом он заявил:

Есть на всякий, есть на случай,
В «Корабле» специалист —
Ваш великий и могучий
Структуральнейший лингвист.

Антон с удовольствием посмотрел на него. На висках у Вадима торчали жёлтые рожки мнемокристаллов. У пленника тоже торчали жёлтые рожки мнемокристаллов. Было в них обоих что–то от добродушных молодых бесов. Впрочем, пленник был больше похож на телёнка. Саул тоже улыбался, посасывая трубку.

— Предупреждаю, — заявил Вадим, — абстрактных вопросов ему задавать не надо. Дубина редкостная. Образование — два класса. — Он встал и роздал Антону и Саулу по паре мнемокристаллов. — Мыслит он исключительно конкретно. — Он повернулся к пленнику: — Ринга хоси–му?

«Хочешь варенья?» — понял Антон.

«Язык» заискивающе улыбнулся и опять сло-

жил руки перед грудью.

— Вот видите? — сказал Вадим. — Он опять хочет варенья. Но он подождёт. Давайте приступать.

Антон замялся. Он вдруг обнаружил, что не имеет ни малейшего представления о том, как это делается. Вадим и Саул выжидательно смотрели на него. Пленник тоскливо переступал с ноги на ногу.

— Как вас зовут? — спросил Антон очень мягко. Ему не нравилось, что пленник до сих пор чувствует себя неуверенно и, несомненно, испытывает страх.

Пленник посмотрел на него с недоумением.

— Хайра, — ответил он и перестал переминаться.

«Из рода холмов», — понял Антон.

— Очень приятно, — сказал он. — Меня зовут Антон.

Недоумение на физиономии Хайры возросло.

— Скажите пожалуйста, Хайра, кем вы работаете?

— Я не работаю. Я воин.

— Видите ли, — сказал Антон, — вы, наверное, оскорблены насилием, которое мы были вынуждены применить по отношению к вам. Но вы не

должны обижаться. Право, у нас не было иного выхода.

Пленник упёр руку в бок, отвесил нижнюю губу и стал смотреть мимо Антона. Саул громко кашлянул и принялся барабанить пальцами по столу.

— Вы не должны бояться, — продолжал Антон. — Мы не сделаем вам ничего дурного.

На лице пленника явственно проступила надменность. Он осмотрелся, отошёл на два шага в сторону и сел на пол боком к Антону, скрестив ноги. Осваивается, подумал Антон. Это хорошо. Вадим, развалившись в кресле, взирал на всё это с удовлетворением. Саул перестал барабанить пальцами и начал постукивать по столу трубкой.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов, — с подъёмом продолжал Антон, — потому что нам необходимо знать, что происходит.

— Варенья, — неприятным голосом произнёс Хайра. — И быстро.

Вадим захохотал от удовольствия.

— Such a little pig! — сказал он.

Антон покраснел и оглянулся на Саула. Саул медленно поднимался. Лицо у него было неподвижное и скучающее.

— Почему не несут варенья? — осведомился Хайра в пространство. — И пусть все молчат, пока я буду спрашивать. И пусть принесут варенья и одеяла, потому что мне жёстко сидеть.

Воцарилось молчание. Вадим перестал улыбаться и с сомнением посмотрел на анализатор.

— Do you think, — растерянно спросил Антон, — we should better bring him some jam?

Саул не отвечая медленно приблизился к пленнику. Пленник сидел с каменным лицом. Саул повернулся к Антону.

— You have taken a wrong way, boys, — проговорил он. — It won't pay with SS–men. — Его рука мягко опустилась на шею Хайры. На лице Хайры мелькнуло беспокойство. — He is a pitekantropos, that's what he is, — нежно сказал Саул. — He mistakes your soft handling for a kind of weakness.

— Саул, Саул! — сказал Антон встревоженно.

— Speak but English, — быстро предупредил Саул.

— Где варенье? — неуверенно спросил пленник.

Саул мощным рывком поднял его на ноги. На каменном лице Хайры проступило смятение. Саул медленно пошёл вокруг него, оглядывая его с головы до ног. Ну и зрелище, подумал Антон с

невольным страхом и отвращением. У Саула был очень непривлекательный вид. Зато Хайра снова сложил на груди руки и заискивающе улыбался. Саул неторопливо вернулся к своему креслу и сел. Хайра смотрел теперь только на него. В кают–кампании стояла мёртвая тишина.

Саул стал набивать трубку время от времени поглядывая на Хайру исподлобья.

— Now I interrogate, — сказал он. — And you don't interfere. If you choose to talk to me, speak English.

— Agreed, — сказал Вадим и что–то переключил в анализаторе. Антон кивнул.

— What did you do with that box? — подозрительно спросил Саул.

— Took measures, — ответил Вадим. — We don't need him to learn English as well, do we?

— О'кэй, — сказал Саул. Он раскурил трубку. Хайра с ужасом смотрел на него, отклоняясь от клубов дыма.

— Имя? — хмуро спросил Саул.

— Хайра.

— Должность?

— Носитель копья. Стражник.

— Кто начальник?

— Кадайра. («Из рода вихрей» — понял Антон).

— Должность начальника?

— Носитель отличного меча. Начальник охраны.

— Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

Антон и Вадим переглянулись. Саул бесстрастно продолжал:

— Кто живёт в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице Хайры изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся.

— Ладно. Сколько преступников в лагере?

— Много. Никто не считает.

— Кто прислал сюда преступников?

Пленник говорил долго и вдохновенно, но Антон услышал только:

— Их прислал великий и могучий утёс, сверкающий бой, с ногой на небе, живущий, пока не исчезнут машины.

— Ого, — сказал Саул, — они знают слово «машины».

— Нет, — отозвался Вадим. — Это я знаю слово «машины». Имеются в виду машины в котловане

и на шоссе. А великий и так далее — это, вероятно, местный царь.

Пленник слушал этот диалог с выражением тупого отчаяния.

— Ну ладно, — сказал Саул. — Продолжим. В чём вина преступников?

Пленник оживился и снова принялся говорить долго и много, и снова Антон понял далеко не всё.

— Есть преступники, желавшие сменить утёс… Есть преступники, бравшие чужие вещи… Есть преступники, убивавшие людей… Есть преступники, желавшие странного…

— Понятно. Кто прислал сюда стражников?

— Великий и могучий утёс с ногой на земле.

— Зачем?

Пленник молчал.

— Я спрашиваю, что здесь делает стража?

Пленник молчал. Он даже закрыл глаза. Саул свирепо засопел.

— Так! Что здесь делают преступники?

Пленник, не открывая глаз, замотал головой.

— Говори! — рявкнул Саул так, что Антон вздрогнул. Комиссия по контактам, горестно подумал он, где ты?

Пленник жалобно застонал.

— Меня убьют, если расскажу.

— Тебя убьют, если ты не расскажешь, — пообещал Саул. Он достал из кармана перочинный нож и раскрыл его. Пленник затрепетал.

— Саул! — сказал Антон. — Stop it!

Саул стал чистить ножом трубку.

— Stop what? — осведомился он.

— Преступники заставляют машины двигаться, — едва слышно произнёс Хайра. — Стражники смотрят.

— На что смотрят?

— Как машины двигаются.

Саул взял чертёж и сунул пленнику под нос.

— Рассказывай всё, — сказал он.

Хайра рассказывал долго и сбивчиво. Саул подгонял и подправлял его. Дело, по–видимому, сводилось к тому, что местные власти пытались овладеть способом управления машинами. Методы при этом использовались чисто варварские. Преступников заставляли тыкать пальцами в отверстия, кнопки, клавиши, запускать руки в двигатели, и смотрели, что при этом происходит. Чаще всего не происходило ничего. Часто машины взрывались. Реже они начинали двигаться, давя и калеча всё вокруг. И совсем редко удавалось заставить машины двигаться упорядоченно.

В процессе работы стражники садились подальше от испытываемой машины, а преступники бегали от них к машине и обратно, сообщая, в какую дыру или в какую кнопку будет сунут палец. Всё это тщательно заносилось на чертежи.

— Кто делает чертежи?

— Не знаю.

— Верю. Кто привозит чертежи?

— Большие начальники на птицах.

— Имеются в виду наши знакомые птички, — пояснил Вадим. — Наверное, здесь их приручают.

— Кому нужны машины?

— Великому и могучему утёсу, сверкающему бою, с ногой на небе, живущему, пока не исчезнут машины.

— Что он делает с машинами?

— Кто?

— Утёс.

На лице пленника изобразилось смятение.

— Это же должность, Саул, — сказал Вадим. — Говорите полностью.

— Хорошо. Что делает с машинами Великий и могучий утёс, с ногой на небе… или на земле? Тьфу, чёрт, не помню… живущий, пока… это…

— Пока не исчезнут машины, — подсказал

Вадим.

— Бессмыслица какая–то, — сердито сказал Саул. — При чём тут машины?

— Это титулование, — пояснил Вадим. — Символ вечности.

— Слушайте, Вадим, спросите его, что он делает с машинами?

— Кто?

— Да утёс же, чёрт бы его побрал!

— Говорите просто, — сказал Вадим. — Великий и могучий утёс.

Саул отдулся и положил трубку на стол.

— Итак, что делает с машинами Великий и могучий утёс?

— Никто не знает, что делает Великий и могучий утёс, — с достоинством произнёс пленник.

Антон не выдержал и засмеялся. Вадим хохотал, держась за подлокотники. Пленник глядел на них со страхом.

— Откуда привозят чертежи?

— Из–за гор.

— Что за горами?

— Мир.

— Сколько в мире людей?

— Очень много. Сосчитать невозможно.

— Кто привозит машины?

— Преступники.

— Откуда?

— С твёрдой дороги. Там очень много машин. — Пленник подумал и добавил: — Сосчитать нельзя.

— Кто делает машины?

Хайра удивлённо улыбнулся.

— Машины никто не делает. Машины есть.

— Откуда они взялись?

Хайра произнёс речь. Он тёр лицо, гладил себя по бокам и поглядывал на потолок. Он закатывал глаза и временами даже принимался петь. Получалось приблизительно следующее.

Давным–давно, когда ещё никто не родился, с красной луны упали большие ящики. В ящиках была вода. Жирная и липкая как варенье. И она была тёмно–красная, как варенье. Сначала вода сделала город. Потом она сделала в земле две дыры и наполнила эти дыры дымом смерти. Потом вода стала твёрдой дорогой между дырами, а из дыма родились машины. С тех пор один дым рождает машины, а другой дым глотает машины, и так всегда будет.

— Ну, это мы и без тебя знаем, — сказал Саул. — А если преступники не захотят двигать машины?

— Их убивают.

— Кто?

— Стражники.

— И ты убивал?

— Я убил троих, — гордо ответил Хайра.

Антон закрыл глаза. Мальчишка, подумал он. Славный, симпатичный мальчишка. И он говорит об этом с гордостью…

— Как же ты их убивал? — спросил Саул.

— Одного я убил мечом. Я доказывал начальнику, что могу разрубить тело одним ударом. Теперь он знает, что я это могу. Другого я убил кулаком. А третьего я приказал сбросить мне на копьё.

— Кому приказал?

— Другим преступникам.

Некоторое время Саул молчал.

— Скучно, — сказал пленник. — Служба гордая, но скучная. Нет женщин. Нет умных бесед. Скучно, — повторил он и вздохнул.

— Почему преступники не бегут?

— Они бегут. Пусть. На равнине снег и птицы. В горах стража. Умные не бегут. Все хотят жить.

— Почему у некоторых золотые ногти?

Пленник сказал шёпотом:

— Это были люди большого богатства. Но они хотели странного, а некоторые даже пытались

сменить Утёс. Они отвратительны, как падаль, — сказал он громко. — Великий и могучий Утёс, сверкающий бой присылает их сюда со всеми родными. Кроме женщин, — прибавил он с сожалением.

— Вы знаете, — сказал Саул, — я испытываю огромное желание повесить сначала его, а потом всех остальных носителей мечей и копий на этой равнине. Но это, к сожалению, бесполезно. — Он снова набил трубку. — У меня больше нет вопросов. Спрашивайте вы, если хотите.

— Нас нельзя вешать, — быстро сказал побледневший Хайра. — Великий и могучий утёс, с ногой на небе жестоко накажет вас.

— Плевать я хотел на твоего Великого и могучего, — сказал Саул, раскуривая трубку. Пальцы его дрожали. — Будете ещё спрашивать, или нет?

Антон помотал головой. Никогда в жизни он не испытывал такого отвращения. Вадим подошёл к Хайре и сорвал с его висков мнемокристаллы.

— Что будем делать? — спросил он.

— Таков человек, — задумчиво проговорил Саул. — На пути к вам он должен пройти через это и многое другое. Как долго он ещё остаётся скотом после того, как поднимается на задние лапы и берёт в руки орудия труда. Этих ещё можно изви-

нить, они понятия не имеют о свободе, равенстве, братстве. Впрочем, это им ещё предстоит. Они ещё будут спасать цивилизацию газовыми камерами. Им ещё предстоит стать мещанами и поставить свой мир на край гибели. И всё–таки я доволен. В этом мире царит средневековье, это совершенно очевидно. Всё это титулование, пышные разглагольствования, золочёные ногти, невежество… Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного! И этого человека, конечно, боятся. Этому человеку тоже предстоит долгий путь. Его будут жечь на кострах, распинать, сажать за решётку, потом за колючую проволоку… Да, — он помолчал. — А какова затея! — воскликнул он. — Овладеть машинами, не имея никакого представления о машинах! Представляете? Какой это был дерзкий ум! Сейчас–то его, конечно, посадили бы в лагерь. Сейчас это всё рутина, что–то вроде обряда в честь могучих предков… Сейчас, наверное, никто и не знает и знать не хочет, для чего всё это нужно. Разве что как повод для создания лагеря смерти. А когда–то это была идея…

Он замолчал и стал усиленно сипеть трубкой. Антон сказал:

— Ну зачем же так мрачно, Саул? Им вовсе не обязательно проходить через газовые камеры и прочее. Ведь мы уже здесь.

— Мы! — Саул усмехнулся. — Что мы можем сделать? Вот нас здесь трое, и все мы хотим творить добро активно. И что же можем? Да, конечно, мы можем пойти к великому утёсу этакими парламентёрами от разума и попросить его, чтобы он отказался от рабовладения и дал народу свободу. Нас возьмут за штаны и бросят в котлован. Можно напялить белые хламиды — и прямо в народ. Вы, Антон, будете Христос, вы, Вадим, апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой. И мы станем проповедовать социализм и даже, может быть, сотворим несколько чудес. Что–нибудь вроде нуль–транспортировки. Местные фарисеи посадят нас на кол, а люди, которых мы хотели спасти, будут с гиком кидать в нас калом… — Он поднялся и прошёлся вокруг стола. — Правда, у нас есть скорчер. Мы можем перебить стражу, построить голых в колонну и прорваться через горы, сжечь сюзеренов и вассалов вместе с их замками и пышными титулами, и тогда города фарисеев превратятся в головешки, а вас поднимут на копья или, скорее всего, зарежут из–за угла, а в стране воцарится хаос, из которого вынырнут

какие–нибудь саддукеи. Вот что мы можем.

Он сел. Антон и Вадим улыбались.

— Нас не трое, — сказал Антон. — Нас, дорогой Саул, двадцать миллиардов. Наверное, раз в двадцать больше, чем на этой планете.

— Ну и что? — сказал Саул. — Вы понимаете, что вы хотите сделать? Вы хотите нарушить законы общественного развития! Вы хотите изменить естественный ход истории! А знаете вы, что такое история? Это само человечество! И нельзя переломить хребет истории и не переломить хребет человечеству…

— Никто не собирается ломать хребты, — возразил Вадим. — Были времена, когда целые племена и государства по ходу истории перескакивали прямо из феодализма в социализм. И никакие хребты не ломались. Вы что, боитесь войны? Войны не будет. Два миллиона добровольцев, красивый благоустроенный город, ворота настежь, просим! Вот вам врачи, вот вам учителя, вот вам инженеры, учёные, артисты… Хотите как у нас? Конечно! И мы этого хотим! Кучка вонючих феодалов против коммунистической колонии — тьфу! Конечно, это случится не сразу. Придётся поработать. Лет пять потребуется…

— Пять! — сказал Саул, поднимая руки к по-

толку. — А пятьсот пятьдесят пять не хотите? Тоже мне, просветители! Народники–передвижники! Это же планета, понимаете? Не племя, не народ, даже не страна — планета! Целая планета невежества, трясина! Артисты! Учёные! А что вы будете делать, когда придётся стрелять? А вам придётся стрелять, Вадим, когда вашу подругу–учительницу распнут грязные монахи… И вам придётся стрелять, Антон, когда вашего друга–врача забьют насмерть палками молодчики в ржавых касках! И тогда вы озвереете и из колонистов превратитесь в колонизаторов…

— Пессимизм, — сказал Вадим, — суть мрачное мироощущение, когда человек во всём склонен видеть дурное, неприятное.

Саул несколько секунд дико глядел на него.

— Вы не шутите, — сказал он наконец. — Это не шутки. Коммунизм — это прежде всего идея! И идея не простая. Её выстрадали кровью! Её не преподашь за пять лет на наглядных примерах. Вы обрушите изобилие на потомственного раба, на природного эгоиста. И знаете, что у вас получится? Либо ваша колония превратится в няньку при разжиревших бездельниках, у которых не будет ни малейшего стимула к деятельности, либо здесь найдётся энергичный мерзавец, который

с помощью ваших же глайдеров, скорчеров и других средств вышибет вас вон с этой планеты, а всё изобилие подгребёт себе под седалище, и вся история опять–таки двинется естественным путём.

Саул откинул крышку мусоропровода и принялся яростно выбивать туда свою трубку.

— Нет, голубчики, коммунизм надо выстрадать. За коммунизм надо драться вот с ним, — он ткнул трубкой в сторону Хайры, — с обыкновенным простаком–парнем. Драться, когда он с копьём, драться, когда он с мушкетом, драться, когда он со «шмайссером» и в каске с рожками. И это ещё не всё. Вот когда он бросит «шмайссер», упадёт брюхом в грязь и будет ползать перед вами — вот тогда начнётся настоящая борьба! Не за кусок хлеба, а за коммунизм! Вы его из этой грязи подымете, отмоете его…

Саул замолчал и откинулся в кресле.

Вадим задумчиво чесал затылок.

Антон сказал:

— Вам виднее, Саул, вы историк. Конечно, всё это будет очень трудно. Вадим тут нёс, как всегда, легкомысленную чушь. Мы вдвоём с Вадимом или втроём с вами никогда не решим эту задачу — даже теоретически. Но мы все знаем одно: не

было ещё такого случая, чтобы человечество поставило перед собой задачу и не смогло её решить.

Саул что–то неразборчиво пробормотал.

— Как это будет делаться конкретно… — Антон пожал плечами. — Что ж, если придётся стрелять, вспомним, как это делается и будем стрелять. Только, по–моему, обойдётся без стрельбы. Пригласим, например, этих желающих странного на Землю. Начнём с них. Они, наверное, захотят уехать отсюда…

Саул быстро вскинул и снова опустил глаза.

— Нет, — сказал он. — Только не так. Настоящий человек уехать не захочет. А ненастоящий… — он снова поднял глаза и посмотрел прямо в глаза Антону. — А ненастоящему на Земле делать нечего. Кому он нужен, дезертир в коммунизм?

Почему–то все замолчали. И почему–то Антону стало нестерпимо жалко Саула и страшно за него. У Саула, несомненно, была беда. И очень непростая беда, такая же необычная, как и он сам, как его слова и поступки.

Вадим с деланным оживлением вскричал:

— А вот кстати… Мы же забыли! За что меня пырнули мечом эти угнетённые? Надо выяснить!

Он подбежал к Хайре, у которого ноги подламывались от усталости и плохих предчувствий и снова прикрепил к его вискам рожки мнемокристаллов.

— Слушай–ка, питекантроп, — сказал он. — Почему преступники, которые везли тебя, напали на нас? Они что, тебя очень любят?

Хайра ответил:

— По повелению Великого и могучего утёса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, преступники заточаются здесь до тех пор, пока не исчезнут машины…

— То есть, навсегда, — пояснил Вадим.

— …Но если преступник сделает, чтобы машина двигалась, он получает милость и возвращается за горы. Те, которые везли меня, шли домой. Они были почти уже люди. На заставе я должен был отпустить их и пересесть на птиц. Но они не сумели сохранить меня, хотя и хотели, потому что хотели жить. А теперь их заколют. — Он нервно зевнул и добавил: — Если солнце уже взошло, то их уже закололи.

Антон вскочил, опрокинув кресло.

— О господи! — сказал Саул и выронил трубку.

7

Носителя копья из рода холмов посадили между Саулом и Антоном. Он снова был закутан в свою шубу, от которой теперь пахло дезинсекталем, и сидел смирно, беспокойно шевеля коротким носом: принюхивался. Было пять часов утра, занималась бледная ледяная заря. И было очень холодно.

Вадим молча вёл глайдер на максимальной скорости и думал только одно: «успеем или не успеем?». Хотя бы эти бедняги не решились сразу возвращаться в посёлок. Но он понимал, что больше им деваться было некуда. Это был их единственный шанс на спасение — попытаться смягчить начальника стражи рассказом о том, как они геройски защищали его посланника. Эта грубая скотина прикончит их сразу же, с горечью подумал Вадим. Если мы не успеем. Он представил себе, как они поставят Хайру перед толстым носителем отличного меча и он, Вадим, скажет: «Кайра–мэ сорината–му каро–сика!» — «Вот ваш человек!» — и визгливо–жалобно завопит: «Татимата–нэ корису!» — «Не сметь убивать этих

свободных!» Он всё время твердил в уме эти фразы, и в конце концов они потеряли для него всякий смысл. Всё это не так просто. Может быть, придётся вести длинный разговор. А вряд ли носитель меча добровольно согласится прикрепить к своей немытой голове мнемокристаллы. Вадим покосился на блестящий ящик анализатора. Придётся его скрутить. Не зря же я тащил эти двадцать четыре килограмма от кают–кампании до глайдера.

Антон спросил:

— А что было в послании?

Вадим достал из кармана помятый листок и, не поворачиваясь, протянул его через плечо.

— Я немного подредактировал, — сказал он. — Перевод карандашом между строчек.

Антон взял листок и стал читать вполголоса:

— «Лучезарному колесу в золотых мехах, носителю грозной стрелы, слуге под самым седалищем Великого и могучего утёса, сверкающего боя, с ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, к ступне повергает это донесение ничтожный стражник из рода вихрей, носитель отличного меча. Доношу первое: большая машина „воин–купол“ пришла в движение от пальца в отверстии пятом и от пальца в отверстии сорок

седьмом, и движение было неодолимое, быстрое и прямое. Доношу второе: явились на небывалой машине трое, не знающие речи, не носящие оружия, не понимающие установления и желающие странного. На зная их сущности, пребываю в ожидании высоких приказаний. Доношу третье: уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем. При сём прилагаю: первое — чертёж большой машины „воин–купол“ и второе — образцы материй, приклеенных неизвестными людьми к ранам преступников». Да, здесь ничего нового, — сказал Антон.

— Феодализм чистейшей воды, — произнёс Саул. — Не особенно церемоньтесь с ними, не то как раз сядете на копья.

Да, церемониться неохота, подумал Вадим. И, конечно, не из–за копий. Пленник вдруг заёрзал на месте и грубым низким голосом заискивающе попросил:

— Ринга…

— Сэнту! — визгливо крикнул Вадим.

Пленник замер.

— Опять варенья просит, — сказал Вадим.

— Потерпит, — сказал Саул. — «Жрать и пить, морду бить…»

— Ничего, — сказал Вадим. — Он у нас ещё захочет странного.

— Вадим, — попросил Антон, — дай–ка пару кристаллов. Я хочу поговорить с ним.

— В кармашке справа, — сказал Вадим не оборачиваясь.

— Слушай, Хайра, — сказал Антон. — Если мы тебя вернём в посёлок, отпустит твой начальник освобождённых, которые защищали тебя?

— Да, — быстро сказал Хайра. — А вы меня вернёте в посёлок?

— Конечно вернём, — сказал Антон. — Не убивать же тебя.

Вадим посмотрел через плечо. Хайра приосанился.

— Начальник строг, — произнёс он. — Начальник, может быть, не отпустит их и пошлёт обратно в котлован. Но вы можете надеяться на милость. Возможно, он даже отпустит вас, если вы дадите ему ценные подарки. У вас есть ценные подарки?

— Есть, — рассеянно сказал Антон. — У нас всё есть.

— Что он говорит? — проворчал Саул. — Вадим, где мои кристаллы? А, вот они…

— Может быть, действительно придётся выку-

пить их, — проговорил Антон задумчиво. — Не устраивать же драку… Мне этого совсем не хочется…

Хайра заговорил снова, и голос его был твёрд и визглив.

— А мне вы дадите вот эту куртку, — он ткнул пальцем в куртку Саула.

— И этот ящик, — он показал на анализатор. — И всё варенье. Всё равно у вас всё отберут перед тем, как отправить в хижины. Вы правильно решили — не устраивать драку. Наши копья остры и зазубрены, и при обратном движении они извлекают из врага внутренности. И ещё я возьму вот эту обувь. И вот эту тоже. Ибо всё между небом и землей принадлежит Великому и могучему… И это я тоже возьму.

Хайра замолчал озабоченно. Вадим, развлекаясь от души, оглянулся. Антон сосредоточенно смотрел в окно — видимо он не слушал. Хайра сидел на полу, скрестив ноги, и осматривал его ботинки. Саул смотрел на Хайру, придерживая у виска один из кристаллов. На лице его было бешенство. Поймав взгляд Вадима, он нехорошо улыбнулся. Хайра наставительно сказал:

— Когда вас будут раздевать, не забудьте сказать, что вот это, — он показал пальцем, — это и

это моё. Я первый.

— Молчать, — тихо сказал Саул.

— Молчи сам, — с достоинством сказал Хайра. — Или мы забьём тебя насмерть палками.

— Саул, — сказал Антон. — Перестаньте. Что вы как ребёнок…

— Да, он не умён, — сказал Хайра. — Но куртка его хороша.

А ведь он действительно уверен, что мы в его власти, подумал Вадим. Он уже видит это — как нас раздевают и сталкивают в котлован, и мы спим на земляном полу, покрытом нечистотами, и всегда молчим, а он гонит нас босых по снегу, колет копьём, бьёт по лицу, чтобы не отставали. А вокруг люди, которые думают только о себе, которые мечтают попасть пальцем именно в ту дырку, которая приведёт машину в движение, и тогда их, радостных и ликующих, запрягут в сани и погонят по снегу навстречу свободе, босиком, через заснеженные холмы, под седалище Великого и могучего… У Вадима круги пошли перед глазами от боли — так крепко он закусил губу. Я бы им устроил праздничек, подумал он с ненавистью. Это было странное чувство — ненависть. Он никогда раньше не испытывал ненависти к людям. Он услыхал, как Саул страшно сопит у

него за спиной. Хайра мурлыкал песенку.

Внизу показался грязный котлован. На дне его в беспорядке сгрудились машины, нелепые и дикие орудия унижения и смерти. Эх вы, пришельцы, подумал Вадим. Впрочем, что с вас взять! Вы ведь даже не гуманоиды. Вода с неба… Варенье…

Он снизился и, тормозя, пошёл вдоль улицы прямо к домику охраны. Хайра, узнав родные места, разразился радостными воплями, которые не брал даже мощный анализатор.

Перед домиком было полно народу. В зеленоватом свете зари мерцал снег. На снегу, сбившись в кучку, жалкие, голые, стояли, опустив головы, два десятка бывших освобождённых. Вокруг них, опираясь на копья, расставив ноги, стояли стражники в шубах. На крыльце возвышался носитель отличного меча. Отличный меч он держал перед собой и, повернув оттопыренное ухо к мечу, водил по острию большим пальцем. Потом он заметил снижающийся глайдер и замер, раскрыв чёрную пасть.

Вадим посадил глайдер прямо перед крыльцом. Он распахнул фонарь и крикнул:

— Кайра–мэ сорината–му! Татимата–нэ кори–су!

Он выбрался из–за руля, сгрёб носителя копья

из рода холмов в охапку и поставил его на ступеньки крыльца. Начальник опустил меч и с отчётливым хрустом захлопнул рот. Хайра согнулся и мелкими шажками проворно подбежал к нему.

— Почему ты ещё не убит? — изумлённо спросил начальник.

Хайра, сложив руки перед грудью, быстро и басовито заворковал:

— Случилось то, что должно было случиться! Я рассказал им о величии и мощи Великого и могучего утёса, сверкающего боя, с одной ногой на небе, живущего, пока не исчезнут машины, и они в страхе пустили воду. Они накормили меня вкусной пищей и говорили со мной как покорные. И они явились сюда, чтобы склониться перед тобой.

Копейщики почтительно столпились у крыльца. Только два десятка голых стояли на месте, покорно ожидая своей участи. Начальник важно и медлительно вложил меч в ножны. Он больше не смотрел на глайдер. Он принялся равнодушно и неторопливо расспрашивать Хайру.

— Где они живут?

— У них большой дом на равнине. Очень тёплый.

— Где они взяли эту машину?

— Не знаю. Наверное, на дороге.

— Ты должен был сказать им, что всё небо и вся земля принадлежат Великому и могучему утёсу.

— Я сказал им. Но их обувь, и одна куртка, и блестящий ящик принадлежат мне. Не забудь это потом, светлый и великий.

— Ты дурак, — сказал начальник презрительно. — Всё принадлежит Великому и могучему утёсу. А ты получишь то, что тебе достанется. Где послание?

— Они отобрали, — разочарованно сказал Хайра.

— Ты дурак ещё раз. Это будет стоить тебе кожи.

Хайра увял. Начальник посмотрел куда–то в пространство между Антоном и Вадимом и произнёс:

— Пусть они покажут свою обувь.

Саул зарычал и полез к борту.

— Тихо, тихо, — сказал Антон.

Начальник меланхолически высморкался на крыльцо.

— А какую еду ты ел? — спросил он.

— Варенье. Это не совсем варенье, но оно сладкое и радует язык.

Начальник слегка оживился.

— А у них много этого варенья?

— Очень много! — с энтузиазмом вскричал Хайра. — Но не приказывай бить меня.

— Я решил, — сказал начальник. — Пусть они отправляются домой и принесут к моим ногам всё варенье. И всю другую еду. У них нет угля?

Хайра вопросительно посмотрел на Антона. Антон резко сказал:

— Потребуй у него свободы этим преступникам!

— Что он говорит? — спросил начальник.

— Он просит, чтобы ты не убивал этих преступников.

— А как ты понимаешь его речь?

Хайра указал обеими руками на рожки мнемокристаллов у себя на висках.

— Если приставить это к голове, то слышишь чужую речь, а понимаешь её как свою.

— Дай сюда, — потребовал начальник. — Это тоже принадлежит Великому и могучему утёсу.

Он отобрал у Хайры мнемокристаллы и после нескольких неудачных попыток пристроил их у себя на лбу. Антон сейчас же сказал:

— Немедленно отпусти этих людей, заслуживших свободу.

Начальник с удивлением посмотрел на него.

— Ты не можешь говорить так, — сказал он. — Я прощаю тебя, потому что ты низкий и не знаешь слов. Ступай. И принеси также письмо и чертёж. — Он повернулся к копейщикам, которые почтительно ему внимали и заорал: — Ну что вы тут стали, труполюбы? Нечего вам обнюхивать их штаны. Штаны всех людей, кто разговаривает со мной, воняют одинаково. За работу! Гоните эту падаль в котлован. Гей! Гей!

Копейщики загоготали и трусцой побежали по улице, гоня перед собой бывших освобождённых. Начальник дружелюбно хлопнул Хайру по уху и велел ему убираться. Хайра, шатнувшись от удара, юркнул в дверь. Оставшись один, начальник посмотрел на небо, посмотрел на хижины, протяжно, с прискуливанием зевнул, посмотрел на глайдер, лениво отхаркался, и, глядя в сторону, сказал скучающим голосом:

— Делайте, как я указал. Возвращайтесь в свой дом, принесите мне сюда всё варенье и всю другую еду и идите в котлован, если хотите жить.

Вадим смотрел на эту громадную грязную фигуру и испытывал странную слабость во всех членах. У него было такое ощущение, как будто он во сне пытается взобраться на скользкую от-

весную стену. Антон пробормотал рядом:

— Смотри, Димка, смотри хорошенько. Это тебе не мальчишка Хайра.

— Не могу, — странным бесцветным голосом сказал Саул. — Я его сейчас удавлю.

— Ни в коем случае, — сказал Антон.

Начальник гаркнул в открытую дверь:

— Зажарь мне мяса, Хайра, труполюб! И согрей ложе! Я сегодня весел. — Потом он встал к глайдеру боком и, глядя на горы, заговорил, подняв грязный указательный палец: — Сейчас вы ещё неразумные и окаменели от страха. Но вам надлежит знать, что впредь, разговаривая со мной, вы должны согнуться в пояснице и прижать руки к груди. И не смотреть на меня, потому что вы низкие, и взор ваш нечист. Сегодня я вас прощаю, а завтра прикажу избить древками копий. И ещё вы должны помнить, что самая высокая добродетель состоит в повиновении и молчании. — Он сунул указательный палец в пасть и стал копаться в зубах. — Когда вы вернётесь сюда с вареньем, письмом и чертежом, вы разденетесь и оставите всё на крыльце. Я не выйду к вам. Потом пойдите в хижины и обдерите там рубахи с мертвецов. Две рубахи брать нельзя. — Он вдруг заржал. — А то вы вспотеете на работе. Можете взять рубахи и

с живых, но только с тех, у кого золотые ногти…

В полуоткрытую дверь просунулся Хайра.

— Всё готово, светлый и сильный, — сказал он.

Начальник продолжал:

— Ваша судьба будет легка. Великому и могучему утёсу нужны люди, умеющие двигать машины. Ибо будет же, наконец, война за земли, которые ему принадлежат! И тогда Великий и могучий утёс, — он поднял указательный палец, — сверкающий бой с ногой на небе и ногой на земле, живущий, пока не исчезнут машины…

— Гад! — оглушительно рявкнул Саул. Над ухом Вадима тускло блеснул воронёный ствол скорчера.

— Не надо! — крикнул Антон.

Саул оттолкнул Вадима и схватился за руль.

— Не надо? — закричал он. — А что же надо? Терпеть и ждать, пока не исчезнут машины? Хорошо!

Страшный рывок повалил Вадима между сидений. Не закрывая фонаря, Саул бросил глайдер в воздух. Раздался треск, над кабиной пролетело расщеплённое бревно. Ледяной ветер завыл в ушах, глайдер круто накренился, и Вадим успел увидеть, что начальник стоит на четвереньках на крыльце, задрав необъятный зад, а крыша

дома, вертясь и разваливаясь, падает на середину улицы. Вадим попытался закрыть фонарь. Фонарь не закрывался.

— Саул! — крикнул Вадим. — Сбросьте скорость!

Саул не ответил. Он гнал глайдер над улицей, по которой уже двигались цепочки заключённых, прямо к котловану. Он скрючился, скрывая лицо за маленьким козырьком. Скорчер лежал у него на коленях. Глайдер шёл неровными толчками, встречный ветер стремился перевернуть его.

Вадим всё пытался одной рукой закрыть фонарь. Другой он придерживал упавший ему на колени ящик анализатора. Саул говорил сквозь зубы:

— Мерзавцы… подлецы… мучители… Машины вам? Будут вам машины!.. Земли воевать? Будут вам земли!..

Вадиму, наконец, удалось вскарабкаться на сиденье и он огляделся. Глайдер мчался прямо на котлован. Антон, вцепившись в подлокотники, щурясь от ветра, смотрел прямо в спину Саула.

— Варенья тебе? — рычал Саул. — Я тебе покажу варенье!… Сладкую еду… труполюбы…

Глайдер взлетел над котлованом. Саул замолчал и, перегнувшись через борт, выпалил

из скорчера прямо вниз. Вадим отшатнулся. Ослепительное лиловое пламя выбросилось из котлована, громовой удар рванул уши и всё осталось позади.

Вадим, напрягаясь так, что у него всё внутри захрустело, захлопнул, наконец, фонарь. Стало тихо.

— Я им внушу другие понятия о вечности, — сказал Саул и замолчал.

— А может быть, не надо? — робко предложил Вадим. Он ещё не понимал, чего хочет Саул. Ну что с них взять, думал он. Тупые, невежественные люди. Разве на них можно сердиться по–серьёзному?

Глайдер с рёвом мчался над верхушками холмов, разбрасывая тучи снежной пыли. Саул был очень неважным водителем, он подавал на двигатель слишком много энергии, и двигатель работал наполовину вхолостую. Зато за глайдером тянулась плотная стена изморози. Несколько птиц кинулось наперерез и сейчас же пропало в снежном вихре. А позади, над искрящейся мутью, поднимался в небо дымный столб.

— Одно жалко, одно… — снова заговорил Саул. — Как жаль, что нельзя уничтожить одним махом всю тупость и жестокость, не уничтожив при

этом человека… Ну, хоть одну–то глупость в этой безмерно глупой стране!..

— Вы летите к шоссе? — спокойно спросил Антон.

— Да. И не пытайтесь остановить меня.

— И не подумаю, — сказал Антон. — Только будьте осторожны.

Теперь Вадим понял и уставился на скорчер. Кажется, начинается такое, подумал он, чего я никогда в жизни не смогу описать… и не смогу понять.

На шоссе всё было по–прежнему. Как и вчера, как и сто лет назад, бесшумно, ровными рядами шли машины. Из дыма выходили и уходили в дым. И так могло бы быть вечно. Но вот Саул посадил глайдер в двадцати метрах от полотна, откинул фонарь и положил ствол скорчера на борт.

— Я не терплю ничего вечного, — неожиданно спокойно сказал он и выстрелил.

Первый удар пришёлся по громадной черепахообразной машине. Панцирь вспыхнул и разлетелся, как яичная скорлупа, а платформа на одной гусенице завертелась на одном месте, сшибая идущие следом маленькие зелёные кары.

— Нельзя изменить законы истории… — сказал

Саул.

С громом запылала огромная чёрная башня на колёсах, а другая такая же опрокинулась и загородила часть шоссе.

— …но можно исправить некоторые исторические ошибки, — продолжал Саул, целясь.

Лиловая молния миллионовольтного разряда лопнула под днищем оранжевой машины, похожей на полевой синтезатор, и она, распадаясь на части, взлетела высоко в воздух.

— …эти ошибки даже должно исправлять, — приговаривал Саул, непрерывно стреляя. — Феодализм… и без того… достаточно грязен.

Потом он замолчал. Справа росла груда раскалённых обломков, а слева шоссе опустело — впервые, вероятно, за тысячи лет, — там пробегали только отдельные машины, случайно прорвавшиеся через огненную завесу. Потом пылающая гора распалась с шипением и треском, поднялся высокий столб искр и пепла, и сквозь облака дыма на шоссе хлынули новые ряды машин. Саул зарычал и снова припал к скорчеру. Снова загремели разряды, запылали, взрываясь, машины, и снова начала расти груда раскалённых обломков. Чёрные тяжёлые клубы, прорезаемые фонтанами искр, повисли в небе. Из

дыма мохнатыми хлопьями падал пепел, и снег вокруг почернел и дымился. У шоссе обнажилась земля.

Вадим сидел, упираясь ногами в ящик анализатора, вздрагивая и щурясь при каждой вспышке. Потом он привык и перестал щуриться. Снова и снова вырастала на шоссе пылающая гора, снова и снова она рассыпалась, разбрасывая горящие обломки, шумно вздыхая волнами нестерпимого жара, а машины всё шли и шли неодолимым потоком, равнодушные ко всему этому уничтожению, и не было им конца.

— Наверное, хватит, Саул, — попросил Антон.

Это бесполезно, подумал Вадим. Саул перестал стрелять — кончились заряды — и уронил голову на руки. Горячее дуло скорчера задралось в небо. Вадим поглядел на покрытые копотью руки и голову Саула и ощутил огромную усталость. Не понимаю, подумал он. Всё зря. Бедный Саул. Бедный Саул.

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

Он выпрямился и посмотрел на ребят.

— Сердце не вытерпело, — сказал он. — Простите меня. Сердце не вытерпело. Я просто не смог. Надо было хоть что–нибудь сделать.

Они сидели и долго глядели на шоссе. Машины ряд за рядом катились своим путём, сталкивая обломки на обочины, сметая пепел, и вскоре всё стало по–прежнему, только поперёк шоссе медленно остывало багровое пятно, чернел испачканный снег вокруг, и долго не рассевалась над головой дымная пелена, сквозь которую, вздрагивая, глядел красный искажённый диск — жёлтый карлик EH 7031.

Саул сказал непонятно:

— Это как печи… Если разрушить только печи — построят новые, и всё.

Где–то неподалёку раздались знакомые до отвращения жалобные крики. Вадим неохотно повернул голову. На просёлке возле шоссе стояла толпа измученных людей в мешковине, и стражники в шубах и с копьями суетились вокруг. Что им здесь надо? — равнодушно подумал Вадим. Стражники древками пик выгнали из толпы какого–то несчастного. Дрожа и оглядываясь, он прошёл по чёрному снегу и вышел на шоссе. Громадная блестящая башня мягко катилась на него. Несчастный с отчаянием посмотрел на стражников. Те проорали что–то про руки. Преступник закрыл глаза и раскинул руки крестом. Машина сшибла его и покатилась дальше. Саул поднялся.

Скорчер, глухо стукнув, упал на дно кабины.

— Хочу набить им морду, — сказал Саул. Пальцы у него сгибались и разгибались.

Антон поймал его за куртку.

— Честное слово, Саул, — сказал он, — это тоже бесполезно.

— Знаю, — Саул сел. — Вы думаете, я не знаю? Ну, почему я ничего не могу сделать? Почему я ни там, ни здесь ничего не могу сделать?

Стражники вытолкнули на дорогу другого заключённого. Первый так и остался лежать, плоский, как пустой мешок. Второй раскинул руки и встал на пути красной платформы с кубическим ящиком. Платформа снизила скорость и остановилась перед ним в двух шагах. Стражники закричали. Заключённый поднял руки и, пятясь, стал сходить с шоссе. Красная машина, как привязанная, ползла за ним. Она съехала на просёлок и тяжело закачалась на колдобинах. Заключённый всё пятился и пятился, уводя её от шоссе к котловану. А по шоссе всё шли, шли и шли машины.

— Чепуху я сделал, — горестно сказал Саул. — Ругайте меня. Но всё равно начинать здесь нужно с чего–нибудь подобного. Вы сюда вернётесь, я знаю. Так помните, что начинать нужно всегда

с того, что сеет сомнение… Ну, что же вы меня не ругаете?

Вадим только судорожно вздохнул, а Антон сказал ласково:

— За что же, Саул? Вы не сделали ничего плохого. Вы сделали только странное.

8

— Димка, — сказал Антон, — пойди посмотри, как там Саул.

Вадим поднялся и вышел из рубки. Он спустился в кают–кампанию и заглянул к Саулу. На него пахнуло застоявшимся табачным дымом. Саул лежал на диване в той же позе, в которой они уложили его после перехода: вытянув ноги с огромными ступнями, закутавшись, выставив щетинистый кадык. Вадим присел рядом и потрогал его лоб. Лоб горел. Саул несвязно забормотал:

— Сухари… сухари нужны. Что вы ко мне с ножницами? В портняжной ножницы… не маникюрные же… Я вас о сухарях спрашиваю… а вы мне ножницы… — Он вдруг сильно вздрогнул и прохрипел: — Цум бефаль, господин блоковый… Никак нет, бьём вшей…

Вадим погладил его по бессильной руке. На Саула тяжело было смотреть. Всегда тяжело видеть сильного, уверенного человека в таком беспомощном состоянии. Саул медленно открыл глаза.

— А… — проговорил он. — Вадим… Димочка…

Ты ничего не думай… На допрос всегда противно смотреть… Не думай обо мне плохо… Я вернусь… Это была просто слабость… А теперь я отдохнул немного и вернусь…

Глаза его снова стали закатываться. Вадим с жалостью глядел на него.

— Опять горим… — забормотал Саул. — Как дрова горим. Степанов горит! Да в рощу же, в рощу!..

Вадим вздохнул и поднялся. Он оглядел каюту. Беспорядок здесь был страшный. На полу валялся, вывернув внутренности, нелепый портфель. Содержимое было разбросано — странные серые картонные папки, набитые бумагой, украшенные стилизованным изображением какой–то птицы с раскинутыми крыльями. Один из чехлов раскрылся, и бумаги рассыпались по всей каюте. На столике тоже лежали бумаги. Вадим хотел было прибрать, но заметил, что Саул заснул. Тогда он на цыпочках вышел и прикрыл за собой дверь.

Антон сидел за пультом, положив пальцы на контакты, и задумчиво глядел на обзорный экран. По экрану медленно проползали вершины сосен, далёкие сияющие этажи домов, красные огоньки энергоприемников.

— Плохо ему, — сказал Вадим. — Бредит. Сейчас, правда, заснул.

Он присел на подлокотник и уставился на стену, покрытую изображениями человеческих фигурок и предметов.

— Вот стену я напрасно испачкал, — проговорил он. — Надо было у Саула попросить бумаги. У него, оказывается, полный портфель бумаги. Между прочим, Хайра до икоты испугался, когда я стал рисовать.

— Ты знаешь, Димка, — сказал Антон задумчиво, — Саул, конечно, человек странный… Но чтобы у взрослого дяди не было прививки биоблокады… — он покачал головой.

— Ты хоть представляешь, чем он болен?

— Я тебе уже говорил — не представляю. Заразился чем — нибудь от Хайры…

Вадим представил себе, чем можно заразиться от Хайры, поморщился и сполз в кресло.

— Мне Саул нравится, — объявил он. — Он чудак с точкой зрения. И он восхитительно загадочен. Никогда в жизни я не слыхал такого загадочного бреда.

— А сколько раз ты вообще слышал бред?

— Это несущественно. Я читал. Между прочим, он сказал, что его бегство с Земли было просто слабостью. Теперь, говорит, я отдохнул немного и вернусь. Я рад за него, Тошка.

— Это он тебе в бреду говорил?

— Нет. У него было прояснение. — Вадим посмотрел на экран. «Корабль» плыл над Хибинами. — Как ты думаешь, сколько времени прошло?

— Тысяча лет, — сказал Антон.

Вадим усмехнулся.

— На редкость содержательный отпуск. Здорово мы там, верно? — блаженно улыбаясь, он стал вспоминать героические эпизоды, репетируя завтрашнее выступление перед Нели и Самсоном. Самсон зачахнет безо всяких черепов: я покажу ему шрам.

— Жаль, — сказал он вслух.

— Что?

— Жаль, что он ударил меня в бок. Надо было по лицу. Представляешь? Шрам от левого виска и через глаз до подбородка!

Антон посмотрел на него.

— Знаешь, Димка, — сказал он, — я, кажется, к тебе никогда не привыкну.

— А ты не беспокойся, Антон. Ты тоже был ничего. Мямлил, правда. Я расскажу Галке, что ты здорово командуешь.

Антон скривился.

— Нет уж, ты лучше ничего не рассказывай. — Он помолчал. — Здорово мямлил?

— По–моему, да.

— Понимаешь, ничего не мог с собой поделать. Никогда ещё мне не приходилось так туго. Всякое бывало, но вот такой ситуации, Димка, когда нужно что–то делать, а абсолютно ничего нельзя сделать, когда вот так нужно что–то улучшить, а знаешь, что сделать можно только хуже… Мямлил, конечно.

Вадим рассматривал Хибины.

— А командовал ты всё–таки хорошо. Любопытно было видеть тебя в таком амплуа… Послушай, а Хайра–то лежит сейчас на своих вонючих шкурах и думает: какие ботинки были, ни у кого таких нет. Антон, дружище, а ты не можешь побыстрее?

— Не могу. Здесь нельзя быстрее.

— Мало ли чего нельзя… Давай я поведу.

— Нет уж, — сказал Антон. — И так вся эта эскапада будет стоить мне пилотского права.

— А что ты сделал?

— Да уж сделал… Уверяю тебя, второй раз на Саулу я полечу уже не классным звездолётчиком, а плохим врачом–энтузиастом.

Вадим удивился. А что мы сделали? Делали всё, что могли, и всё, что должны были делать. Как же иначе? Нас было–то всего трое. Будь нас человек

двадцать, мы бы просто разоружили охрану, и конец делу. Во всяком случае, ругать нас не за что. Нехорошо, правда, получилось с теми ребятами, которые везли Хайру. Но откуда нам было знать? Да нет, что там говорить, разведку мы провели отлично. С честью. Теперь надо засучить рукава и собирать ребят. Сначала — комитет. Ну, я, Антон, несомненно. Саула я уломаю. Без Саула нельзя, нужен скептик. И человек он боевой и решительный, весь в двадцатом веке. Потом Самсон. Отличный инженер, при всей его ядовитости. Нели, артистка, пусть пленяет. Гриша Барабанов необходим: во–первых, он сам учитель; во–вторых, он знает бездну других учителей, судя по всему, людей настоящих… Врач! Врач нужен… Не может быть, чтобы в бездне учителей не нашлось ни одного врача. И охотников нужно. Вот что нужно, так нужно. Выбить клювастых птичек–самсончиков. Вадим хихикнул. А потом мы всем комитетом выступим перед Землёй, бросим клич…

У Вадима сладостно замерло сердце, когда он представил себе весь размах этой новой ослепительной затеи. Эскадры рейсовых Д–звездолётов, битком набитых удалыми добровольцами, синтезаторами, медикаментами… Целые тонны

эмбриомеханических яиц, из которых в полчаса вырастут дома, глайдеры, синоптические установки… и двадцать тысяч, тридцать тысяч, сто тысяч новых знакомств!

— Весь космофлот в разгоне, — сказал Антон.

— Что?

— Я говорю, весь космофлот в разгоне. Я прикинул: для начала нужно хотя бы десяток рейсовых «призраков». А их всего сто пятьдесят четыре, и все сейчас у ЕН 117 для броска за Слепое Пятно.

— Построим новые, — решил Вадим.

Антон покосился на него.

— Опять у тебя в голове сверкающая каша… Ты, Димка, имей в виду, что на Саулу тебя, скорее всего, больше не пустят.

— Как это так — не пустят?

— Очень просто. Там нужны не двадцатилетние рубаки, а профессионалы в самом серьёзном смысле слова. Я вот представить себе не могу, чтобы столько настоящих профессионалов можно было оторвать от планеты. И это ещё полбеды.

— Ну–ну, — поощрил Вадим. — А вторая половина?

— А вторая половина, голубчик ты мой… — Антон вздохнул. — Существует уже два века такая незаметная организация — Комиссия по контак-

там. И что для неё характерно: во–первых, без её разрешения ни один звездолётчик не сядет в кресло пилота, а во–вторых, в её составе нет ни одного рубаки, а люди все, как на подбор, серьёзные, умные и видящие последствия.

Антон говорил серьёзно, но Вадим всё–таки спросил его:

— Ты что, серьёзно?

— Совершенно серьёзно. — Антон пробежал пальцами по контактам и сказал: — Дать тебе, что ли, снизиться в утешение… нет, не дам. Хватит с меня мертвецов.

«Корабль» мягко и бесшумно приземлился на поляне почти на том же месте, откуда взлетел тридцать девять часов назад. Антон выключил двигатель и немного посидел, гладя рукой пульт.

— Значит так, — сказал он. — Сначала — Саул.

Вадим, надувшись, смотрел перед собой. Антон включил бортовой радиофон и настроился на волну скорой помощи.

— Пункт одиннадцать–одиннадцать, — сказал спокойный женский голос.

— Требуется врач–эпидемиолог, — попросил Антон. — Заболел человек, вернувшийся с новой планеты земного типа.

Некоторое время приёмник молчал. Затем го-

лос удивлённо переспросил:

— Простите, как вы сказали?

— Видите ли, — объяснил Антон, — у него не была привита биоблокада.

— Странно. Хорошо… Ваш пеленг?

— Даю.

— Благодарю, приняла. Ждите через десять минут.

Антон поглядел на Вадима.

— Не дуйся, структуральнейший, обойдётся. Пойдём к Саулу.

Вадим медленно выбрался из кресла. Они сошли в зал и сразу увидели, что дверь в каюту Саула открыта. Саула в каюте не было. Не было и его портфеля и бумаг, а на столике лежал скорчер.

— Где же он? — спросил Антон.

Вадим бросился к выходу. Люк был вскрыт, снаружи стояла тёплая звёздная ночь. Громко кричали цикады.

— Саул! — позвал Вадим.

Никто не отозвался. Вадим в растерянности сделал несколько шагов по мягкой траве. «Куда же он ушёл, больной» — подумал он и снова крикнул:

— Саул!

И снова никто не отозвался. Налетел тёплый ветерок и нежно погладил Вадима по лицу.

— Димка, — негромко позвал Антон. — Поди сюда…

Вадим вернулся к освещённому люку. Антон протянул ему листок бумаги.

— Саул оставил записку, — сказал он. — Положил под скорчер.

Это был обрывок грубой серой бумаги, захватанной грязными пальцами. Вадим прочёл:

> Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто дезертир. Я сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймёте. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте своё дело, а я уж доделаю своё. У меня ещё целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин.

— Слушай, он совсем больной, — сказал Вадим растерянно. — Бежим его искать!

— Посмотри на обороте, — сказал Антон.

Вадим перевернул листок. На обороте большими корявыми буквами было написано:

~~Господину рапортфюреру обершарфюреру СС господину Вирту от блокфризера шестого блока заключённого N 658617~~

Настоящим доношу, что по собранным мною наблюдениям, заключённый N 819360 не является уголовным по кличке «Саул», а есть бывший бронетанковый командир Красной Армии Савел Петрович Репнин, взятый в плен немецкой армией ещё под Ржевом в бессознательном состоянии. Указанный N 819360 есть скрытый коммунист и безусловно вредный для порядка человек. Он мною уличён, что готовит побег и участвует в той группе, про которую я вам доносил в донесении от июля сего 1943. И ещё настоящим доношу, что они готовятся…

На этом текст обрывался. Вадим уставился на Антона.

— Не понимаю, — сказал он.

— Я тоже, — тихо сказал Антон.

Яркий свет упал на поляну. Над «Кораблём» медленно снижался санитарный «Огонёк».

— Объясняйся с врачом, — сказал Антон с

неопределённой усмешкой, — а я пойду и свяжусь с Советом.

— Что же я ему объясню? — пробормотал Вадим, глядя на клочок бумаги.

* * *